

Энгус Бёргин

ВЕЛИКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ИДЕЙ

*Возрождение
свободных рынков
после Великой депрессии*

РОО ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Энгус Бёргин

**Великая революция идей.
Возрождение свободных рынков
после Великой депрессии**

«Интермедиатор»

2012

УДК 330.831.8
ББК 65.02

Бёргин Э.

Великая революция идей. Возрождение свободных рынков после Великой депрессии / Э. Бёргин — «Интермедиатор», 2012

ISBN 978-5-91603-608-4

В книге описывается предыстория неолиберальной революции – активность сторонников свободного рынка по обе стороны Атлантики в 1930-е годы, в период Великой депрессии. Автор исследует, как постепенно выкристаллизовывались идеи – и содержательно, и, что немаловажно, риторически, – обосновывающие преимущества свободного рынка. Это история людей и идей (а также различных организаций, обеспечивавших общение неолибералов Европы и Америки, публикацию их книг, выступления с лекциями и т. п., и благотворительных фондов, финансировавших эти организации и мероприятия). В книге два главных героя, которым посвящены отдельные главы: Ф. Хайек и М. Фридмен. На волне популярности, которую Хайек обрел в США после выхода книги «Дорога к рабству» ему удалось создать организацию, объединяющую неолибералов США и Европы – «Общество Мон-Пелерен». Именно попав на первые встречи этой организации молодой экономист из Чикагского университета Милтон Фридмен, во-первых, несколько изменил свои взгляды, став убежденным сторонником свободного рынка, а во-вторых, загорелся идеей распространения этих идей среди широкой публики. Книга стала лауреатом премии им. Мёрла Керти, присуждаемой Организацией американских историков, а также премии им. Джозефа Спенглера, присуждаемой Обществом истории экономической теории, вошла в «Список выдающихся научных изданий» журнала «Choice» и названа «Книгой выдающихся достоинств» Обществом интеллектуальной истории США.

УДК 330.831.8

ББК 65.02

ISBN 978-5-91603-608-4

© Бёргин Э., 2012
© Интермедиатор, 2012

Содержание

Введение	7
Глава 1	17
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Энгус Бёргин
Великая революция идей
Возрождение свободных рынков
после Великой депрессии

Посвящается Кейт

© 2012 by President and Fellows of Harvard College

© Мысль, 2017

Введение

Конец *laissez faire*

Поздней осенью 1924 г. Джон Мейнард Кейнс уверенно вошел в здание Экзаменационного корпуса в Оксфорде и объявил, что политическая экономия цивилизованного мира приближается к концу *laissez faire* (так ни много ни мало гласило название его лекции¹). Хотя Кейнсу был всего 41 год, он уже приобрел обширный опыт, совершенно уникальным образом объединивший замкнутый мир оксфордско-кембриджских экономистов с реальной практикой. Детство он провел в кембриджской преподавательской среде, в 25 лет получил в Королевском колледже персональную стипендию за отличные успехи и меньше чем через три года был назначен редактором журнала «Economic Journal». Карьера государственного служащего вознесла его от младшего клерка в Департаменте по делам Индии до главного представителя Казначейства на мирных переговорах в Версале. А теперь он занимался разработкой целостной теории политической экономии, которая должна была заменить увядающие доктрины предшествовавшего столетия². «Мы пока еще не танцуем в такт с новой мелодией, – говорил он своим слушателям. – Но перемены уже витают в воздухе»³.

Сама идея *laissez faire*, считал Кейнс, – это извращение подлинных взглядов ее предполагаемых сторонников. «Фразу *laissez faire* не найти в работах Адама Смита, Риккардо или Мальтуса, – говорил он слушателям. – Даже формулировки самой идеи в сколько-нибудь теоретической форме у них нет». На самом деле эта идея «присутствует у популяризаторов и вульгаризаторов»⁴. Желая ознакомить с экономическими идеями несведущие массы, они намеренно сводили эти идеи к абстрактным догмам, доступным пониманию ограниченных людей⁵. Усвоив эти урезанные наставления, широкая публика стала «рассматривать упрощенную гипотезу

¹ *Laissez faire* – первая часть классической максимы, предписывающей государству не вмешиваться в хозяйственную деятельность частных лиц: *laissez faire, laissez passer* (позволяйте делать, позволяйте двигаться (*фр.*). Источником происхождения этого выражения считается ответ фабриканта Лежандра главе правительства Людовика XIV Жану-Батисту Кольберу, спротивившему, что он может сделать для промышленности: «Laissez nous faire» («Позвольте нам действовать»). Впервые записана в 1736 г. в рукописных мемуарах пересказывавшего эту историю маркиза Рене-Луи д'Аржансона (1694–1757), экс-министра Людовика XV и руководителя внешней политики Франции в 1741–1747 гг. (Подробнее см.: *Ойкен А. Максима Laissez faire et laissez passer, ее происхождение, ее становление: к истории теории свободы торговли. М.; Челябинск: Социум, 2017 (готовится к печати).*) Каково бы ни было происхождение этой фразы, сама доктрина возникла естественным образом на рубеже XVII–XVIII вв. как протест против избыточного регулирования промышленности со стороны правительства. Содержательно первая часть этой фразы означает требование *свободы предпринимательства*, вторая – требование *свободы торговли*. Влияние доктрины *laissez faire* на реальную жизнь достигло апогея около 1870-х гг. (См. также комментарий о манчестерском либерализме на с. 76.) В первой трети XIX в. для обозначения экономической политики *laissez faire, laissez passer* появился подходящий термин – либерализм. Но уже к концу XIX в. он был присвоен противниками этой идеологии: почти все, кто называли себя «либералами» в конце XIX – начале XX в. выступали за ограничение частной собственности и отстаивали мероприятия частью социалистические, частью интервенционистские. В связи с тем что эта доктрина часто упоминается на страницах книги Э. Бёргина без изложения ее содержания, мы решили опубликовать в качестве Приложения к русскому изданию параграф «О смысле *laissez faire*» из главного сочинения одного из героев этой книги Л. фон Мизеса. – *Прим. науч. ред.*

² Подробные сведения о жизни Кейнса содержатся в его трехтомной биографии, написанной Робертом Скидельски: Robert Skidelsky: *John Maynard Keynes*, vol. 1, *Hopes Betrayed, 1883–1920* (London: Macmillan, 1983); vol. 2, *The Economist as Savior, 1920–1937* (London: Macmillan, 1992); vol. 3, *Fighting for Freedom, 1937–1946* (London: Macmillan, 2000). См. также: R. F. Harrod, *The Life of John Maynard Keynes* (London: Macmillan, 1951); Peter Clarke, *The Keynesian Revolution in the Making, 1924–1936* (Oxford: Clarendon Press, 1988). [См.: *Скидельски Р. Джон Мейнард Кейнс. 1883–1946. Экономист, философ, государственный деятель: в 2 кн. М.: Московская школа политических исследований, 2005.*]

³ John Maynard Keynes, *The End of Laissez-Faire* (London: Hogarth, 1927), p. 5. Лекция впервые прочитана в Оксфорде в 1924 г. как Мемориальная лекция в честь Сиднея Болла, а затем, в 1926 г., в Берлинском университете. [См.: *Кейнс Дж. М. Конец laissez faire // Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 367.*]

⁴ *Ibid.*, pp. 17; 20. [см.: Там же. С. 373, 372.]

⁵ *Ibid.*, p. 32.

тезу как нечто здоровое, а ее последующие осложнения – как болезненное»⁶. В результате возник растущий разрыв между популярными представлениями и научными взглядами. Несмотря на устойчивую популярность идеи *laissez faire* и широко распространенное убеждение, что эта идея господствует в умах большинства экономистов, ведущие мировые представители экономической науки более 50 лет использовали ее только как, по словам Джона Кэрнса, «удобное правило практики» без «какого-либо научного обоснования»⁷. Кейнс представил внушительный список «усложняющих условий» применения *laissez faire*, которые большинство ведущих экономистов принимали и старались встроить в свои теории, в том числе: «если присутствуют накладные расходы или общезаводские расходы», «если экономия на масштабе ведет к концентрации производства», «если требуется много времени для приспособления <к изменившимся условиям на рынке>», «если незнание превалирует над знанием», «когда монополии и объединения нарушают равенство при заключении сделок»⁸. Этот список неявно охватывал значительные сегменты экономики свободного предпринимательства. Иными словами, *laissez faire* было мертво, и оставалось только оповестить об этом публику.

Кейнс выделил ряд причин, благодаря которым концепция *laissez faire* продолжала доминировать вопреки ее, по мнению Кейнса, несомненному интеллектуальному банкротству. Первая и самая главная состояла в том, что главные альтернативы *laissez faire* на идеологической арене, протекционизм и марксизм, имели «очевидные изъяны в научном плане», которые позволяли сторонникам *laissez faire* легко и убедительно опровергать эти теории. К марксизму Кейнс не питал никаких симпатий и просто поражался тому, «как могло учение столь нелогичное и скучное оказать столь мощное и длительное воздействие на умы людей и через них на события истории»⁹. Экономисты пытались преодолеть общий настрой в пользу *laissez faire*, но доводы их были либо чересчур замысловатыми, либо легковесными. Те из них, кто выступал за рыночную систему, снабженную сложной системой ограничений, сами ставили себя – именно по причине сложности своих теорий – в крайне невыгодное положение, потому что их мало кто понимал. А если полемика переходила, как нередко бывало, в состязание между абстрактными обобщениями, идею *laissez faire* все равно было легче понять, чем ее равно упрощенные альтернативы. Наконец, предвзятость в пользу совершенно свободных рынков близко соответствовала «нуждам и желаниям делового мира того времени»¹⁰. У приверженцев *laissez faire* были богатые и влиятельные спонсоры, которые всегда могли подобрать им высокопоставленных слушателей в коридорах центральной власти.

Кейнс был убежден, что хотя идея *laissez faire* пользовалась объективными преимуществами, ее господство в публичном поле постепенно сходило на нет. В данном отношении убежденность Кейнса отчасти объяснялась его хорошо известной верой в способность экономических идей со временем проникать в практику повседневной жизни. Рано или поздно, полагал он, почти единодушно-отрицательное отношение экономистов к *laissez faire* найдет свое выражение в представлениях, которые разделяет широкая публика. Пожалуй, еще более важным Кейнс считал то обстоятельство, что институциональная структура бизнеса содействовала снижению преобладающей роли мотива прибыли. Разделение владения и управления в современных организациях побуждало, по мнению Кейнса, придавать меньше значения дивидендам. Руководители стали думать о том, что важнее – получить больше прибыли или избежать возможного неодобрения со стороны своих покупателей и широкой публики, и все больше отдавали предпочтение второй задаче. Компании «с течением времени обобществля-

⁶ Ibid., p. 33. [Там же. С. 377.]

⁷ John Elliott Cairnes, *Essays in Political Economy: Theoretical and Applied* (London: Macmillan, 1873), p. 244.

⁸ Keynes, *End of Laissez-Faire*, pp. 32–33. [См.: Кейнс Дж. М. Конец *laissez faire*. С. 377.]

⁹ Ibid., pp. 34–35. [Там же. С. 378.]

¹⁰ Ibid., p. 36. [Там же. С. 378.]

ются изнутри, – заключал Кейнс. – Ежечасно на одном участке за другим социализм теснит неограниченное господство частной прибыли»¹¹. Весомость экономических доводов и институциональной практики сливалась воедино, чтобы перевернуть экономические представления, просуществовавшие гораздо дольше, чем следовало. Нападать на *laissez faire* значило нападать на «обессилевшего монстра», который, по словам Кейнса, «господствовал над нами в силу наследственного права, а не в силу личных заслуг»¹². Он не сомневался, что с этим монстром будет покончено.

Кейнс не оставил полноценного изложения своих политических взглядов. Хотя в «Конце *Laissez faire*» и можно найти намеки на разработку новой социальной философии, они, как отметил главный биограф Кейнса, слишком фрагментарны, чтобы видеть в них кейнсианский манифест¹³. Маловероятно, чтобы человек масштаба Кейнса стал подробно разъяснять основы своего мировоззрения в выступлении, по времени точно уложенном в пределы университетской лекции. Тем не менее лекция дает хорошее общее представление о позиции Кейнса, который выступал за рыночную систему, освобожденную от худших ее недостатков. Капитализм, подчеркивал он, это тип социальной организации, продемонстрировавший незаменимые достоинства и вместе с тем неоспоримые изъяны. «Со всей стороны, – говорил он аудитории, – я считаю, что при разумном регулировании капитализм можно сделать более эффективным в достижении экономических целей, чем любая другая мыслимая система, но сам по себе он вызывает возражения во многих аспектах»¹⁴. Кейнс рисовал в своем воображении государственный сектор, который будет прибегать к ограниченному, но энергичному вмешательству и решать проблемы, порождаемые самостоятельной деятельностью индивидов. «Важно, чтобы государство не занималось тем, что индивиды и так уже делают сами, и не делало это чуть лучше или чуть хуже, – объяснял он, – а в том, чтобы делать то, что сейчас не делается вообще»¹⁵. С помощью таких актов вмешательства можно смягчать последствия провалов рынка, не причиняя вреда его фундаментальным устоям. Предлагаемые изменения, утверждал Кейнс, отнюдь не являются «принципиально несовместимыми с тем, в чем я вижу сущностное свойство капитализма, а именно с опорой на мощные инстинкты, побуждающие людей стремиться к выгоде и любить деньги, как на главную движущую силу экономического механизма»¹⁶. Конец *laissez faire* вовсе не означал для Кейнса конца рыночной жизни. Это, считал он, был способ ее сохранения с помощью ограничения.

Лекция Кейнса – пророческое предвидение и вместе с тем основополагающий документ эпохи, когда убеждение в необходимости повсеместного контроля над рынками стало почти всеобщим. Но уже в середине 1920-х годов в некоторых откликах на его лекцию, прозвучавших в профессиональной экономической среде, выражалось недовольство тем, что он обошелся с *laissez faire* слишком благородно¹⁷. После того как в конце десятилетия разразилась Великая депрессия, еще сохранявшиеся симпатии к свободному рынку быстро угасли. Правительства приняли широкий ряд мер – от введения новых таможенных пошлин до отмены золотого стандарта и запуска широких социальных программ, – которые, по ширококвещательному заявлению Эрика Хобсбаума, «ликвидировали экономический либерализм на полвека»¹⁸. Пре-

¹¹ Ibid., p. 44. [Там же. С. 381.]

¹² Ibid., p. 38. [Там же. С. 379.]

¹³ Skidelsky, *John Maynard Keynes*, vol. 2, *Economist as Saviour*, pp. 225–229.

¹⁴ Keynes, *End of Laissez-Faire*, pp. 52–53. [См.: Кейнс Дж. М. Конец *laissez faire*. С. 384.]

¹⁵ Ibid., pp. 46–47. [Там же. С. 382.]

¹⁶ Ibid., p. 50. [См.: Там же. С. 383.]

¹⁷ «Review: *The End of Laissez Faire*», *Journal of Political Economy* 36, no. 1 (1928), pp. 179–180; Sidney Webb, «The End of Laissez-Faire», *Economic Journal* 36, no. 143 (1926), pp. 434–441.

¹⁸ Eric Hobsbawm, *The Age of Extremes: A History of the World, 1914–1991* (London: Michael Joseph and Pelham, 1994; reprint, New York: Vintage, 1996), pp. 94–95.

стиж экономической науки, которая оказалась явно неспособной предсказать наступление кризиса, стремительно скатился с высот предшествовавшего десятилетия на небывало низкий уровень¹⁹. Даже те экономисты, которых сейчас помнят как самых стойких сторонников свободного рынка в годы Великой депрессии, в конце концов пришли к убеждению, что их время прошло. Письма чикагского экономиста Фрэнка Найта наглядно свидетельствуют о том, насколько печальной оказалась участь *laissez faire*. «Мы не можем вернуться к *laissez faire* в экономической науке даже в нашей стране», – писал он коллеге летом 1933 г. «Сейчас мне представляется неизбежным, что мы должны перейти к регулируемой системе», – написал он позже в том же году, добавив, что его волнует только один вопрос: «Можно ли сохранить в сколько-нибудь значительной степени хоть какой-то вид свободы, особенно свободу потребления и интеллектуальную свободу»²⁰. 1930-е годы были эпохой, когда даже многие самые красноречивые защитники рыночных свобод из числа профессиональных экономистов осознали, что теперь им придется вести себя значительно тише.

Несмотря на всю свою несомненную прозорливость, прогнозы «Конца *laissez faire*» не сбылись в одном принципиально важном пункте. Кейнс был прав, полагая, что общественные симпатии к *laissez faire* стояли на пороге стремительного падения, но ошибся в том, что эта перемена навсегда. Во время Великой депрессии идеология свободного рынка пережила период переосмысления и потеряла многих сторонников, но никоим образом не пришла к «концу». Напротив, история половины столетия после начала экономического кризиса – это отчасти история ее триумфального возвращения. В 1980-е годы дебаты в англо-американской публичной сфере были пронизаны убеждением в необходимости защитить деятельность свободного рынка от попыток государственного вмешательства. Обладатели самых почетных наград по экономике призывали значительно сократить государственный сектор; сформировалось быстро растущее сообщество щедро финансируемых аналитических центров, распространявших идеи свободного рынка; многочисленные журналы и газеты создавали себе репутацию, выступая как публичные проповедники *laissez faire*. Президент США и премьер-министр Великобритании считали себя преданными союзниками свободного рынка и подкрепляли свои политические идеалы ссылками на его главных идеологов²¹. Теперь уже не *laissez faire*, а кейнсианство стало выглядеть пережитком быстро уходящего экономического мира.

События, ускорившие такую эволюцию массовых представлений о политической экономике, еще только начинают осмысляться. Стоит отметить, что их последовательность определяется той же самой связью между идеями и политическими переменами, которой Кейнс обосновывал свою уверенность в скором конце *laissez faire*. Трансформация общего отношения к рынку происходила на разных уровнях, и в этом процессе важную роль сыграли множество людей и организаций, но она не произошла бы, если бы ее не подготовили сосредоточенные усилия международного сообщества идейных единомышленников. Если Кейнс трудился, причем с очевидным успехом, над разработкой и распространением концепции, объяснявшей, в каких случаях вмешательство государства может быть благотворным, то сообщество философов, экономистов, журналистов и частных фондов по всему атлантическому миру объединило

¹⁹ Michael Bernstein, *A Perilous Progress: Economists and Public Purpose in Twentieth-Century America* (Princeton: Princeton University Press, 2001), p. 64. мы верим» (см.: Richard Cockett, *Thinking the Unthinkable: Think-Tanks and the Economic Counter-revolution, 1931–1983* (London: Harper Collins, 1994), p. 174).

²⁰ Фрэнк Найт – Чарльзу Типпетсу, 7 июля 1933 г., box 62, folder 10, Frank H. Knight Papers, Regenstein Library, University of Chicago (далее Knight Papers); Фрэнк Найт – Чарльзу Типпетсу, 9 декабря 1933 г., box 62, folder 9, Knight Papers.

²¹ Выступая на Конференции политических действий консерваторов в 1981 г., Рональд Рейган заявил: «В значительной мере наше мировоззрение сформировали такие интеллектуальные лидеры, как Рассел Кирк, Фридрих Хайек, Генри Хэзлит, Милтон Фридмен, Джеймс Бёрнем, Людвиг фон Мизес» (Ronald Reagan, «Remarks at the Conservative Political Action Conference», – *Speaking My Mind* (New York: Simon and Schuster, 1989), p. 96). Когда в 1975 г. Маргарет Тэтчер посетила исследовательский центр Консервативной партии, она прервала обсуждение достоинств «третьего пути», положила на стол книгу Хайека «Конституция свободы» и сказала: «Вот во что

силы ради того, чтобы обратить вспять рост влияния государства и вновь направить общественное мнение в поддержку идей свободного рынка. Эти удаленные друг от друга союзники пережили невзгоды экономической депрессии и войны, в последующие годы испытали равнодушное отношение общества, встретились с препятствиями в научной карьере, пережили бесчисленные политические поражения, пока, наконец, не перешли к необыкновенно быстрому институциональному и идеологическому подъему. Как бы ни складывалась обстановка, они неустанно работали над новой философией свободного рынка и сохраняли твердую уверенность в том, что их абстрактные размышления смогут – со временем и с помощью внешних событий – преобразовать практику широкой политики. Это история сообщества, которое им удалось создать, идей, которые они отстаивали, и долговечных плодов их стремления возродить теорию и практику капитализма.

Хотя в течение трех последних десятилетий сторонники свободного рынка играли центральную роль в американской политике, оказалось, что историю их возвращения на вершину проследить не так-то легко. Многие годы комментаторы и эксперты ломали голову, чтобы объяснить, как и почему превознесение рынка и осуждение планирования вновь овладели общественным сознанием после долгого пребывания в забвении²². Они выражают недоумение по поводу популистского подхода к экономической политике, которая, видимо, только ухудшала положение бедных²³. И они считали мало последовательной политическую коалицию, которая призывала к сохранению социальных традиций и в то же время поддерживала рыночную систему, часто и порой совершенно безжалостно подрывавшую эти традиции²⁴. Наиболее влиятельные объяснения этих феноменов уже давно обращали внимание на социальные факторы, скрывавшиеся за абстрактными формулировками политических и экономических идей, – такие как тревога по поводу снижения статуса в быстро меняющейся культурной и технологической среде и желание создать «бесцветный» язык, способный сохранить расовые привилегии, которым, казалось, грозила опасность исчезновения²⁵. Но при отсутствии убедительной картины развития консервативных идей будет по-прежнему трудно представить контуры движения, которое оказало разностороннее влияние на структуру общественной дискуссии.

Едва ли кто-то будет отрицать, что консервативное движение было среди прочего реакцией на социальные и расовые тревоги, получало поддержку от многих из тех, кто, скорее

²² Alan Brinkley, «The Problem of American Conservatism», *American Historical Review* 99, no. 2 (1994), p. 409; Michael Kazin, «The Grass-Roots Right: New Histories of U.S. Conservatism in the Twentieth Century», *American Historical Review* 97, no. 1 (1992), p. 136.

²³ Thomas Frank, *What's the Matter with Kansas? How Conservatives Won the Heart of America* (New York: Henry Holt, 2004). О популистских акцентах консервативной риторики см.: Jonathan Rieder, «The Rise of the “Silent Majority”», in *The Rise and Fall of the New Deal Order*, ed. Steve Fraser and Gary Gerstle (Princeton: Princeton University Press, 1989), 243–268; Rick Perlstein, *Before the Storm: Barry Goldwater and the Unmaking of the American Consensus* (New York: Hill and Wang, 2001); Dan T. Carter, *The Politics of Rage: George Wallace, the Origins of the New Conservatism, and the Transformation of American Politics* (New York: Simon and Schuster, 1995).

²⁴ Lisa McGirr, *Suburban Warriors: The Origins of the New American Right* (Princeton: Princeton University Press, 2001), p. 163; Jerome L. Himmelstein, *To the Right: The Transformation of American Conservatism* (Berkeley: University of California Press, 1990), p. 45. Другие описания современного консерватизма как совокупности родственных, но не сведенных в систему взглядов см. в: Jonathan Schoenwald, *A Time for Choosing: The Rise of Modern American Conservatism* (Oxford: Oxford University Press, 2001), p. 8; Sara Diamond, *Roads to Dominion: Right-Wing Movements and Political Power in the United States* (New York: Guilford, 1995), pp. 6–7.

²⁵ О тревоге по поводу статуса см. Richard Hofstadter, «The Pseudo-conservative Revolt», in *The New American Right*, ed. Daniel Bell (New York: Criterion, 1955), p. 42. Майкл Роуджин критикует мнение Хофстадтера, настаивавшего на иррациональной природе массовых политических движений: Michael Rogin, *The Intellectuals and McCarthy: The Radical Specter* (Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 1967). О расовой политике консервативного движения см.: Joseph Crespino, *In Search of Another Country: Mississippi and the Conservative Counterrevolution* (Princeton: Princeton University Press, 2007); Thomas Byrne Edsall and Mary D. Edsall, *Chain Reaction: The Impact of Race, Rights, and Taxes on American Politics* (New York: W. W. Norton, 1992); Thomas Byrne Edsall, «The Changing Shape of Power: A Realignment in Public Policy», in Fraser and Gerstle, *Rise and Fall of the New Deal Order*, 269–293; Matthew Lassiter, *The Silent Majority: Suburban Politics in the Sunbelt South* (Princeton: Princeton University Press, 2006).

всего, ничего не выгадал бы от его экономических предложений, и порой одновременно проповедовало диаметрально противоположные взгляды. Но эти объяснительные модели являются своего рода аналитической вуалью, которая скрывает важные аспекты движения. Мы не поймем социальную философию правильно и полностью, если будем сводить основные ее положения к социальным и материальным интересам или, напротив, выделять из ее догматов жестко формализованные схемы. Понятие *homo oeconomicus*²⁶ полезно только в качестве формальной абстракции, и мало кто из нас пройдет интерпретативный тест, который не выявит противоречия между разными аспектами заявленного нами мировоззрения. Наше восприятие социальной среды бесконечно сложно, и наши политические представления формируются под влиянием динамичного и постоянно меняющегося взаимодействия между абстрактным идеализмом, целенаправленной стратегией, эмоциональной склонностью и интуитивной реакцией. Они служат своего рода предварительной и ситуативной ответной реакцией на запросы никогда до конца не постижимого мира. Чтобы понять, почему те или иные люди считают правильным то, что они делают, и оценить соотносительную обоснованность их убеждений, необходим анализ, который учитывал бы всю сложность природы рассматриваемых проблем.

В последние годы появились серьезные критические работы, посвященные таким наиболее сложным и влиятельным фигурам консервативного движения, как Лео Штраус, Фридрих Хайек, Уиттакер Чемберс и Айн Рэнд²⁷. В исследованиях о развитии консерватизма на низовом уровне заметно добросовестное и настойчивое желание уяснить мировоззрение представителей этого движения²⁸. В новых работах прояснены социальные и культурные истоки мощной комбинации прорыночной идеологии и евангелического христианства²⁹. Все больше авторов приступили к гигантской задаче каталогизации и хронологизации институциональных структур, которые способствовали укреплению и распространению консерватизма в общественной сфере. Это развивающееся исследовательское направление начало распутывать сложные узлы переплетения интересов, возникавшие в течение XX в. между бизнесменами, финансовыми организациями, политическими ассоциациями и сторонниками свободного рынка³⁰. Оно выявило связи между холодной войной, Rand Corporation и взлетом теории рационального выбора в современной дискуссии по вопросам социально-экономической политики³¹. Оно выявило институциональные рычаги, которыми консерваторы манипулировали, чтобы преоб-

²⁶ Человек экономический (лат.). – Прим. ред.

²⁷ Steven B. Smith, *Reading Leo Strauss: Politics, Philosophy, Judaism* (Chicago: University of Chicago Press, 2006); Catherine Zuckert and Michael Zuckert, *The Truth about Leo Strauss: Political Philosophy and American Democracy* (Chicago: University of Chicago Press, 2006); Bruce Caldwell, *Hayek's Challenge: An Intellectual Biography of F. A. Hayek* (Chicago: University of Chicago Press, 2004); Michael Kimmage, *The Conservative Turn: Lionel Trilling, Whittaker Chambers, and the Lessons of Anti-communism* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2009); Jennifer Burns, *Goddess of the Market: Ayn Rand and the American Right* (Oxford: Oxford University Press, 2009). Еще одна ценная работа появилась несколько раньше: Robert Devigne, *Recasting Conservatism: Oakeshott, Strauss, and the Response to Postmodernism* (New Haven: Yale University Press, 1994). Начали появляться и основательные работы, посвященные крупным фигурам французской и немецкой политической сцены. См.: Olivier Dard, *Bertrand de Jouvenel* (Paris: Perrin, 2008); Hans Jörg Hennecke, *Wilhelm Röpkke: Ein Leben in der Brandung* (Stuttgart: Schäffer-Poeschel, 2005).

²⁸ Kevin M. Kruse, *White Flight: Atlanta and the Making of Modern Conservatism* (Princeton: Princeton University Press, 2005).

²⁹ Darren Dochuk, *From Bible Belt to Sun Belt: Plain-Folk Religion, Grassroots Politics, and the Rise of Evangelical Conservatism* (New York: W. W. Norton, 2011); Bethany Moreton, *To Serve God and Wal-Mart: The Making of Christian Free Enterprise* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2009).

³⁰ О связи между финансовыми рынками и защитой *laissez faire* в начале XX в. см.: Julia C. Ott, «“The People’s Market”», chap. 9 in *When Wall Street Met Main Street: The Quest for an Investors’ Democracy* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2011); Beverly Gage, *The Day Wall Street Exploded: A Story of America in Its First Age of Terror* (Oxford: Oxford University Press, 2008). О связи между бизнесом и защитой свободного рынка см.: Kim Phillips-Fein, *Invisible Hands: The Making of the Conservative Movement from the New Deal to Reagan* (New York: W. W. Norton, 2009); Phillips-Fein, «Business Conservatives and the Mont Pèlerin Society», in *The Road from Mont Pèlerin: The Making of the Neoliberal Thought Collective*, ed. Philip Mirowski and Dieter Plehwe (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2009), 280–301; Moreton, *To Serve God and Wal-Mart*; Eduardo Canedo, «The Rise of the Deregulation Movement in Modern America, 1957–1980» (PhD diss., Columbia University, 2008).

³¹ S. M. Amadae, *Rationalizing Capitalist Democracy* (Chicago: University of Chicago Press, 2003).

разовать юридическую практику³². И оно помогло понять, какую важную роль сыграли популярные проповедники, вербовавшие сторонников в широчайшей аудитории журнала «National Review»³³. В совокупности все эти результаты привели к эпохальному прорыву в написании истории консерватизма. Сейчас мы уже хорошо знаем, какие идеи и какие интеллектуалы сыграли ключевую роль в консервативном повороте, какие активистские (*advocacy*) организации были задействованы как важнейшие средства побуждения к политическим переменам³⁴.

Эта книга дополняет описанный выше корпус литературы и вместе с тем содержит ряд существенных уточнений. Она предлагает подробный анализ консервативных идей, в духе интеллектуальной биографии – в этом жанре она в основном и выдержана – и сводит главных героев в диалог друг с другом. Внимательно прослеживая связи и процессы интеллектуального обмена, она уделяет значительное внимание институциональному контексту, но не исходит из того, что среда оказывает подавляющее влияние на формирование и распространение идей. Она отказывается от строгого соблюдения национальных границ, которое до сих пор определяло параметры исследования истоков консервативного движения. Если говорить о главном, это повествование прослеживает, как его центральные персонажи формировали, объясняли и обосновывали свои идеи, как они поочередно воздействовали на мнения друг друга и оспаривали их, как оперировали подчас рискованными связями между политикой и философией и как со временем их допущения и аргументы постепенно, но кардинальным образом менялись. Эта книга не рассматривает идеи ни как чистые абстракции, возникающие в сфере, совершенно отделенной от политики, ни как простые инструменты, которые используются для осуществления желаемого изменения. Ведущие представители консервативного интеллектуального мира, как и большинство из нас, занимались тем, что спокойно, а порой сами того не сознавая, путешествовали сквозь проницаемую границу между двумя этими определениями.

Завершая «Конец *laissez faire*», Кейнс напомнил аудитории, что обсуждения отвлеченной экономической теории нередко равнозначны дебатам о том, в каком мире мы хотим жить. Проблемы экономической теории невозможно четко отделить от философских проблем. «Самые жаркие споры и самые глубокие расхождения во мнениях, – предсказывал он, – в ближайшие годы, скорее всего, возникнут не вокруг узкоспециальных вопросов, где доводы каждой стороны в основном экономические, а вокруг тех, которые, за неимением более точных терминов, можно назвать психологическими или, если угодно, моральными»³⁵. Дискуссии по вопросам экономической политики ведутся на двух уровнях: они включают соображения о том, как наиболее эффективно достичь конкретных целей и каковы должны быть сами эти цели. Адвокаты той или иной позиции в политической экономии имеют мало шансов заручиться поддержкой на политической арене, если не уделяют пристального внимания второму аспекту и не стараются выделить его риторическими средствами. Намерение трансформировать экономическую политику (практически всегда) требует способности существенно модифицировать смыслы, которые члены сообщества извлекают из своего мира или приписывают ему.

В разгар Великой депрессии сторонники рынка остро осознали, что социальная философия свободного рынка не пользуется поддержкой ни в научной среде, ни в господствующей политике. Стремясь преодолеть изоляцию, они начали создавать неформальные кружки единомышленников, которые могли бы совместно проводить переоценку философских оснований их идей и разрабатывать новые способы представления этих идей обществу. Со време-

³² Steven M. Teles, *The Rise of the Conservative Legal Movement: The Battle for Control of the Law* (Princeton: Princeton University Press, 2008).

³³ Jeffrey Hart, *The Making of the American Conservative Mind: «National Review» and Its Times* (Wilmington, Del.: ISI, 2005).

³⁴ Обзор основной части новой литературы см. в статье: Kim Phillips-Fein, «Conservatism: A State of the Field», *Journal of American History* 98, no. 3 (2011), pp. 723–743.

³⁵ Keynes, *End of Laissez-Faire*, p. 50.

нем они формализовали эти связи: создали систему регулярных встреч для обмена идеями и институциональные органы для популяризации своей позиции в сфере социально-экономической политики, нашли источники финансовой поддержки. Многие из этих новых организационных форм были впервые опробованы в Обществе Мон-Пелерен. Эту группу в 1947 г. основал Фридрих Хайек как международную площадку для ведущих философов, экономистов, журналистов, политиков и благотворителей, которые занимали прорыночную позицию³⁶. Хотя исследователи уделяли этому обществу не очень большое внимание, оно уже давно считается прародителем социальной философии, получившей название «неолиберализм», а также местом зарождения разветвленной сети политических организаций, которые в конце XX в. идейно вдохновляли и консультировали лидеров возродившегося англо-американского консерватизма³⁷. Члены общества сыграли решающую роль в формировании нынешнего рыночно-центричного мира.

Изучение высказываний членов общества в его ранние годы показывает, что поначалу это движение было гораздо менее доктринерским, чем принято считать. Перед нами возникает целый ряд сложных внутренних противоречий, характерных для сторонников рынка в послевоенную эпоху. Первые члены общества стремились выделить философские основания рыночных свобод, но выражали глубокий скептицизм в отношении нетерпимости и иррациональности ни на чем не основанных политических абсолютов. Они стремились привлечь религиозных верующих и экономически обездоленных людей, которых, по их мнению, ошибочно игнорировали сторонники рынка в XIX в., но при этом сами демонстрировали враждебность к религиозному догматизму и перераспределяющему государству. Они прославляли достижения капитализма, но время от времени выражали беспокойство в связи с культурными и моральными последствиями этих достижений. Они превозносили свободу, но при этом подчеркивали жизненную необходимость в коллективных моральных традициях. Они защищали капитализм как теорию индивидуального выбора, но с большим подозрением относились к тому, что может принести политическая демократия. То, что объединяло этих людей, скорее подчеркивало, чем затушевывало, те разносогласия, которые их разделяли.

В результате идеологического отступления в период Великой депрессии и в годы Второй мировой войны все представления, казавшиеся общими для всей этой группы, были подвергнуты переосмыслению. Финансовый кризис и последовавшая политическая нестабильность сохранили этих людей в общем убеждении, что необходима социальная философия, способная подняться выше абстрактных предписаний *laissez faire*. Они были едины в том, что, если ставить задачу спасения капитализма от тех губительных воздействий, которые постоянно разъедали его основания, ключевые принципы капитализма следует пересмотреть. Но их мнения резко и неизменно расходились, когда вставал вопрос, какие элементы капиталистического порядка священны, а какие можно изменить, какие моральные правила можно счесть абсолютными и какими средствами обеспечить их соблюдение в качестве таковых. Послевоенный

³⁶ О критериях, которыми руководствовался Хайек при отборе членов общества, см. в: «Address by Prof. Hayek on Aims and Organisation of the Conference», 4, box 5, folder 13, Mont Pèlerin Society Records, Hoover Institution Archives, Stanford, Calif. [Хайек Ф. Вступительное слово на конференции Мон-Пелерен // Хайек Ф. Судьбы либерализма в XX веке. М.: ИРИСЭН, 2009. С. 283–298.]

³⁷ Наиболее обстоятельная и объективная работа об Обществе Мон-Пелерен: Bernhard Walpen, *Die offenen Feinde und ihre Gesellschaft: Eine hegemonietheoretische Studie zur Mont Pèlerin Society* (Hamburg: VSA, 2004). Филипп Пликерт предлагает более благожелательную картину: Philip Plickert, *Wandlungen des Neoliberalismus: Eine Studie zu Entwicklung und Ausstrahlung der «Mont Pèlerin Society»* (Stuttgart: Lucius & Lucius, 2008), а работа Р. Хартвелла – R. M. Hartwell, *A History of the Mont Pèlerin Society* (Indianapolis: Liberty Fund, 1995) – преисполненное похвалами описание многосторонней деятельности общества. Бен Джексон прослеживает возникновение общества в контексте межвоенных дискуссий о неолиберализме: Ben Jackson, «At the Origins of Neo-liberalism: The Free Economy and the Strong State, 1930–1947», *Historical Journal* 53, no. 1 (2010), pp. 129–151. Роль Общества Мон-Пелерен в создании институциональной поддержки для либертарианских идей рассматривается в: Cockett, *Thinking the Unthinkable*, pp. 100–121; John L. Kelley, «The Revitalization of Market Liberalism», in *Bringing the Market Back In: The Political Revitalization of Market Liberalism* (Basingstoke: Macmillan, 1997), chap. 2.

консервативный интеллектуальный мир со всеми пунктами его имплицитного единодушия и междоусобных пререканий возникал из этой атмосферы неопределенности. Перечисленные проблемы были поставлены космополитичными интеллектуалами со всего Атлантического мира, которые сообща и искренне искали философские основы их социального порядка. Это обстоятельство не согласуется с распространенным мнением, что консервативный проект изначально был чисто локальным по происхождению и стратегическим по замыслу. Он был продуктом не консолидированного, а распавшегося мировоззрения.

Состояние неопределенности, характерное для продвижения прорыночных взглядов в 1930—1940-х годах, проявлялось в неспособности (и отчасти ею усугублялось) достичь согласия по поводу понятийного аппарата, который многие считали двусмысленным или устаревшим. «Такие понятия, как “либерализм” и “демократия”, “капитализм” и “социализм”, в наши дни не могут обозначать никакую связную систему идей», — отмечал Хайек вскоре после окончания Второй мировой войны. Он видел в них «конгломераты совершенно разнородных принципов и фактов», которые были привязаны к определенным терминам в силу «исторической случайности»³⁸. Используя эти ярлыки сегодня, мы постоянно впадаем в анахронизм. Как будет показано ниже, в период между войнами и в первые послевоенные годы термин «неолиберализм» имел (в тех редких случаях, когда применялся) значение, сильно отличавшееся от того, какое имеет в наше время³⁹. Термин «либертарианец»/«либертарианский» не был знаком большинству членов Общества Мон-Пелерен и использовался очень редко. Члены общества почти единодушно отвергали термин «консерватизм», поскольку в их глазах он обозначал сохранение того самого статус-кво, которое они хотели изменить. «Традиционализму» и «неоконсерватизму» как политическим терминам только предстояло появиться в пока еще непредставимом будущем. Отдельные попытки реабилитировать термин «вигизм» были скомпрометированы его архаическими коннотациями. А значение термина «либеральный», который в иных обстоятельствах мог бы стать фаворитом, было непоправимо изменено его растущим отождествлением с мировоззрением прогрессистов⁴⁰. Конечно, в некоторых случаях можно использовать эти термины, не искажая их современных значений: большинство первых членов Общества Мон-Пелерен были убеждены, что переосмысливают принципы либерализма, дабы предохранить его от дальнейшего упадка, а в послевоенных США экономисты — сторонники свободного рынка стали активными игроками в мире консервативной литературы, в среде консервативных разработчиков социально-экономической политики и активистских (*advocacy*) групп⁴¹. Но все эти классификационные нюансы не должны затемнять то ощущение беспокойства, неопреде-

³⁸ Friedrich Hayek, «Individualism: True and False», in *Individualism and Economic Order* (Chicago: University of Chicago Press, 1948), pp. 2–3 [Хайек Ф. Индивидуализм: истинный и ложный // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Социум, 2016. С. 1—40].

³⁹ Оттенки значения термина «неолиберализм» обсуждаются в статье: Taylor Boas and Jordan Gans-Morse, «Neoliberalism: From a New Liberal Philosophy to Anti-liberal Slogan», *Studies in Comparative International Development* 44, no. 2 (2009), pp. 137–161.

⁴⁰ Прогресси́зм — идеология, направленная на пропаганду и осуществление социальных и реформ правительством. В США расцвет прогрессизма пришелся на конец XIX — начало XX в., а период политики реформизма 1900–1917 гг., которую проводили президенты Т. Рузвельт и В. Вильсон, в политической истории США получило название Прогрессивной эры. В начале 1930-х годов Франклин Рузвельт искал название для своей в сущности прогрессистской программы государственного регулирования экономики и выбрал не использовавшееся в США, но престижное и имеющее только благоприятные ассоциации слово «либеральный». Так получилось, что одновременно права на этот бренд предъявил Герберт Гувер и исход спора решился в ходе избирательных кампаний 1932–1940 гг. История борьбы за либеральный бренд рассказывается в книге: Ротунда Р. Либерализм как слово и символ: борьба за либеральный бренд в США. М.; Челябинск, 2016. В результате сегодня в США слова «либерализм», «либерал», «либеральный» означают комплекс идей и политических принципов, во всех отношениях противоположных классическому либерализму XVIII–XIX вв. Современный американский либерал стремится к всемогуществу правительства, является твердым противником свободного предпринимательства и отстаивает всестороннее регулирование, осуществляемое властями. Читателю следует учитывать эту особенность политической жизни, когда на страницах этой книги речь будет идти об «американском либерализме», противопоставляемом консерватизму (например, на с. 232). — Прим. ред.

⁴¹ Описание этой среды см. в: George H. Nash, *The Conservative Intellectual Movement in America: Since 1945* (New York: Basic Books, 1976).

ленности и разногласий, которое было характерно тогда для этих сообществ и их фразеологии инакомыслия. И если мы хотим понять динамику раннего периода, нам не следует полагаться на современные статичные изложения теории.

Таким энергичным, как в последние годы, отстаивание рынка стало лишь после долгого периода дискуссий и дебатов. С течением времени экономические и политические кризисы 1930-х годов уходили в прошлое, научные дисциплины все больше специализировались, а экономисты – сторонники свободного рынка находили новых сторонников в печатных СМИ и политических кругах. Попытки возродить философию либерализма на новых основаниях и выйти за пределы статичных предписаний *laissez faire* утратили ту энергию безотлагательности, которая двигала им в ранние годы. Достигло зрелости молодое поколение экономистов, ориентированное на математический язык послевоенной экономической науки и чутко прислушивавшееся к политическим дебатам в общественной сфере эпохи холодной войны⁴². В начале 1960-х годов центральной фигурой этой новой когорты стал Милтон Фридмен. Он заново сформулировал ряд главных проблем экономической науки и без обиняков популяризировал достоинства рынка. Распространению его идей способствовало наличие аудитории, более восприимчивой к рыночной риторике, и появление организаций, лучше подготовленных к популяризации идей Фридмена, чем это было в начале его карьеры. Эти благоприятные возможности Фридмен в полной мере использовал: он отказался от осторожного языка предшественников и вновь придал рыночной риторике максимальную четкость. Капитализм, твердил он, это двигатель процветания, который вознаграждает заслуги и в подавляющем большинстве случаев приносит наилучшие результаты; многие проблемы современной жизни порождены ошибочными ограничениями его функционирования, а вовсе не его мнимыми недостатками. Решительность фразеологии Фридмена свидетельствовала, что моральные затруднения и нечеткость программ предшествовавшего поколения остались позади и началось великое убеждение.

История Общества Мон-Пелерен – это история взаимосвязанных провалов и успехов. Его члены приняли чрезвычайно амбициозную теоретическую программу и оказались не способны ее осуществить. То, что начиналось под знаком декларированного единства, вскоре обернулось разделением на группы, и дискуссии между ними скорее обостряли несходство позиций, нежели сближали их. Вместе с тем усилия общества по реабилитации свободного рынка в общественной сфере принесли впечатляющие плоды. Они способствовали видоизменению глобальной политики с такими последствиями, которые будут давать знать о себе еще многие десятилетия. Проследить трансляцию идей от поколения к поколению и их внедрение в политику равнозначно тому, чтобы выяснить параметры их отклонения от первоначальных образцов, а пересечения этих двух линий, нисходящей и восходящей, вызывали чувство протеста у тех, кто стоял у истоков общества. С годами многие его основатели стали считать смелое отстаивание рынка, которым занялись более молодые члены общества, искажением исходных идей. На мир, созданный по рецептам Милтона Фридмена, они смотрели со смешанным чувством восхищения и осуждения. История Общества Мон-Пелерен порой преподносится как пример редкого явления: группа интеллектуалов смогла оказать ощутимое влияние на политику своего времени. И гораздо реже в ней видят притчу об опасностях, которыми чревато успешное идеологическое воздействие.

⁴² Roger E. Backhouse, «The Rise of Free Market Economics: Economists and the Role of the State since 1970», in «Economists and the Role of Government», ed. Peter Boettke and Steven Medema, *History of Political Economy* 37 (2005), pp. 355–392.

Глава 1

Отстаивание рынка во время кризиса

Весной 1933 г., почти десять лет спустя после того, как Кейнс провозгласил конец *laissez faire*, Фридрих Хайек поднялся на кафедру, чтобы прочесть инаугурационную лекцию в Лондонской школе экономики. Как и Кейнс, он избрал своей темой отход от классической экономической науки, но во всех остальных отношениях и обстоятельствах его выступление нисколько не походило на лекцию Кейнса. За прошедшие годы мир погрузился в тяжелую депрессию, которая поставила под сомнение утвердившиеся догмы ведущих экономистов, – даже в тех случаях, когда их общественное признание росло. В отличие от изысканно-аристократической атмосферы, окружавшей Кейнса в Оксфорде, аудиторию Хайека составляли сотрудники учебного заведения, которому не исполнилось еще сорока лет; студентами его были в основном вольнослушатели, а располагалось оно по соседству с трущобными кварталами⁴³. Хайек был на 16 лет младше Кейнса, и его мало кто знал за пределами узкого круга социологов в Англии и его родной Австрии. Говорил он с сильным австрийским акцентом; поэтому многим слушателям было нелегко следить за его рассуждениями⁴⁴. И хотя Хайек соглашался с Кейнсом в том, что социальная философия свободного рынка пришла в упадок, он хотел объяснить, почему правильно не праздновать это событие, а оплакивать его.

В числе слушателей Хайека были экономисты, симпатизировавшие его взглядам, в том числе Эдвин Кеннан, пожилой консерватор, преобразовавший экономический факультет Лондонской школы по своему вкусу, и молодой протеже Кеннана Лайонел Роббинс; он и организовал этот визит, в результате которого Хайеку было предложено место профессора. Обводя собравшихся внимательным взглядом, Хайек поспешил отметить, что среди экономистов не так уж мало сторонников свободного рынка. Проблема в том, сказал он, что их идеи пока не проявили способности влиять на широкую публику. Хайек не видел особой разницы между планированием и социализмом, а из государственных должностных лиц, по-видимому, мало кто сомневался в достоинствах планирования. «В этом смысле, – грустно заключил он, – сейчас, естественно, осталось очень мало людей, не являющихся социалистами». Негативный настрой общественного мнения привел инакомыслящих экономистов к убеждению, что они «безнадежно разошлись с духом времени, предлагают ненужные советы, к которым общество не желает прислушиваться, и не могут влиять на ход событий»⁴⁵. Хайек полагал, что его коллеги безусловно владеют научным знанием, позволяющим судить о мировой ситуации, но не имеют возможностей преодолеть разрыв между теорией и практикой.

На раннем этапе своей карьеры Хайек часто испытывал ощущение, что его взгляды не соответствуют духу времени, но никогда это ощущение не было столь сильным, как в начале 1930-х годов. По мере того как правительства принимали все более радикальные меры в связи с небывалым экономическим кризисом, теоретики, выступавшие против государственного вмешательства, все острее чувствовали себя изгоями. По всему Атлантическому миру они ютились в научных кружках, которые гордились тем, что думали иначе, чем большинство. В числе таких кружков можно назвать Лондонскую школу экономики, где теперь работал Хайек, Чикагский университет и Институт высших международных исследований в Женеве. В каждой из

⁴³ A. W. Coats, «The Distinctive LSE Ethos in the Inter-war Years», *Atlantic Economic Journal* 10, no. 1 (1982), p. 19; Lionel Robbins, *Autobiography of an Economist* (London: Macmillan, 1971), p. 72.

⁴⁴ Aubrey Jones, in *My LSE*, ed. Joan Abse (London: Robson, 1977), p. 36.

⁴⁵ Friedrich Hayek, «The Trend of Economic Thinking», *Economica* 40 (1933), p. 121. Название лекции Хайека, возможно, намекало на сборник, изданный незадолго до того Рексфордом Тагвеллом – *The Trend of Economics* (New York: F. S. Crofts and Co., 1930).

этих организаций ведущие экономисты выражали отчаяние по поводу направленности общественного мнения. Еще до переезда Хайека в Лондон Лайонел Роббинс пришел к выводу, что широкая публика никогда не поймет экономическую аргументацию. «Надежда на то, что экономическая теория когда-нибудь станет тем, что дилетант может понять без предварительной подготовки, – писал он в 1930 г., – обречена оставаться несбыточной»⁴⁶. В Чикаго Фрэнк Найт впал в депрессию, растянувшуюся почти на все десятилетие и обостренную ощущением, что ошибочные общественные настроения отняли жизнеспособность у демократической формы правления. В 1934 г. он пришел к убеждению, что, по всей видимости, осталось «лет десять или, самое большее, двадцать до того момента, когда мы увидим конец всякой свободы слова в Соединенных Штатах и в той части либерального европейского мира, где она еще не исчезла»⁴⁷. Еще до переезда в Женеву вынужденно покинувший родину немецкий социолог и экономист Вильгельм Рёпке заключил: пришло время «признать, что дело либерализма и капитализма стратегически проиграно даже там, где тактически они еще не побеждены»⁴⁸.

Эти сетования порой предрекали даже конец света, но их общий настрой был вполне обоснован. В тот период ученые, выступавшие против государственного вмешательства, находились в крайней изоляции. Популярные газеты и журналы наперебой объявляли их взгляды пустой болтовней выживших из ума чудаков. Консервативные политические партии, которые противостояли угрозам коммунизма и фашизма на международной арене, в то время пытались выдержать внутренние экономические кризисы и больше не были надежным пристанищем для «правильной» экономической теории. Ведущие отрасли, стремившиеся сохранить протекционистские пошлины и выторговать монопольные привилегии у регулирующих органов, в лучшем случае оставались ненадежными союзниками⁴⁹. И вопреки уверениям Хайека об обратном, внутри самого сообщества профессиональных экономистов голоса сторонников рынка звучали все тише. В американской научной среде по-прежнему господствовал имевший левую окраску историцизм экономического институционализма, а в Англии репутацию ведущего экономиста как в научных кругах, так и в общественном мнении приобрел Кейнс⁵⁰. Вскоре после выхода «Общей теории занятости, процента и денег» (1936) кейнсианство пропитало экономические министерства по обе стороны Атлантики, а экономисты в Лондоне и Чикаго находили все меньше союзников как в научных кругах, так и в обществе.

Для англо-американского мира маргинализация сторонников рынка в 1930-е годы остается уникальным явлением со времен Промышленной революции. Этот феномен отчасти можно объяснить потерей доверия к рынку, которая обычно сопровождает начало острых финансовых кризисов. Но хотя события, на первый взгляд, и задают темы для обсуждения, они не имеют полной власти над идеологической жизнью общества. Сколь бы обескураженными ни чувствовали себя экономисты на уровне общественных дискуссий, именно их идеи, доводы и представления в определенной мере формируют содержание и структуру дебатов. Это влияние более всего ощутимо в периоды неясности, когда устоявшиеся представления могут внезапно стать предметом широких общественных дискуссий. Разочарование Хайека можно отчасти отнести на счет духа времени, а отчасти на счет риторической силы послания, транслируемого им и его коллегами.

⁴⁶ Lionel Robbins, «The Present Position of Economic Science», *Economica* 28 (1930), p. 23.

⁴⁷ Фрэнк Найт – Adelphi Company, 9 мая 1934 г., box 58, folder 2, Frank H. Knight Papers, Regenstein Library, University of Chicago (далее Knight Papers).

⁴⁸ Wilhelm Röpke, «Fascist Economics», *Economica*, n.s., 2, no. 5 (1935), p. 85.

⁴⁹ Robert Collins, *The Business Response to Keynes, 1929–1964* (New York: Columbia University Press, 1981), pp. 30–31.

⁵⁰ Yuval P. Yonay, *The Struggle over the Soul of Economics: Institutionalist and Neoclassical Economists in America between the Wars* (Princeton: Princeton University Press, 1998); Malcolm Rutherford, *The Institutionalist Movement in American Economics, 1918–1947* (Cambridge: Cambridge University Press, 2011); Wayne Parsons, *The Power of the Financial Press: Journalism and Economic Opinion in Britain and America* (Aldershot, U.K.: Edward Elgar, 1989).

Сторонников рынка в Лондонской школе экономики и Чикагском университете объединял скепсис в отношении нарастающего вмешательства государства, но во всем остальном их позиции расходились чаще, чем совпадали. В Лондоне Лайонел Роббинс и Фридрих Хайек поначалу выражали сильные сомнения в способности правительства справиться с экономическим кризисом. Вину за спад они возлагали в первую очередь на экономический цикл, который как раз и был запущен государственным вмешательством, и утверждали, что дальнейшие поползновения государства приведут лишь к повторению того же ужасного сценария. Их взгляды кое-где нашли сторонников, но в общем и целом в середине 1930-х годов их призывы к пассивности не находили отклика ни в обществе, ни среди экономистов, желавших найти энергичный выход из, казалось бы, неразрешимого кризиса. В Чикаго Фрэнк Найт, Джейкоб Вайнер и Генри Саймонс предложили более умеренный ответ на события того времени. Они быстро и единодушно осудили эксцессы *laissez faire* и с теми или иными оговорками одобрили программу государственных строительных проектов, прогрессивное налогообложение, социальное страхование и энергичную антимонопольную политику. В результате они оказались гораздо ближе к профессиональному мейнстриму, чем их лондонские коллеги, но сильно затруднили себе объединение с другими людьми, у которых были более или менее конкретные теории или планы. В целом, экономисты в Лондоне и Чикаго являли собой картину разброда и шатаний. Некоторые твердо придерживались радикальной позиции, на которую мало кто хотел вставать; другие с гораздо большей готовностью шли на компромиссы, но оказались не способными сформулировать связную оппозиционную платформу.

На обоих берегах ведущие фигуры по-прежнему не хотели ставить под угрозу свой научный авторитет, участвуя в широких общественных дебатах, и старались повысить свое влияние прежде всего в кругу коллег по профессии. У них не было общей организации, которая позволила бы обсуждать идеи, разрабатывать новые риторические стратегии, создавать коммуникационные сети и привлекать молодых коллег, симпатизирующих их взглядам. Пока они проповедовали свои идеи в изолированных учебных заведениях в разных странах, а связи поддерживали лишь с помощью лекций и дружеских личных встреч, ради чего иногда предпринимали медленное путешествие через Атлантику. Бывало, они уделяли междоусобной полемике не меньше сил, чем посвящали спорам с явными идеологическими противниками. Их собственная идеология оставалась фрагментарной, и они не смогли прийти к чему-то похожему на общую позицию. Бизнес не проявлял готовности финансировать мир идей, а в научном мире мало кто прилагал усилия к тому, чтобы считаться членом сплоченной группы, преследующей конкретные цели⁵¹. Без разработки убедительного риторического выражения идей и без существенных источников институциональной поддержки у них было мало шансов воздействовать на широкую публику, которую уже соблазнили другие идеологические сообщества, лучше организованные и обладавшие более связной программой.

Хайек внимательно следил за институциональной динамикой и пришел к выводу, что трудности, переживаемые им и его коллегами, позволяют извлечь уроки, которые могут пригодиться в будущем. В инаугурационной лекции 1933 г. он уже умерил свои пессимистические взгляды на современную политику, заявив, что долгосрочные процессы идеологических изменений дают повод для оптимизма. Общественное мнение, разъяснял он слушателям, «очевидным образом сформировано экономистами в основном прошлого поколения. Поэтому неверно говорить, что теории экономистов не оказывают вообще никакого влияния; напротив, оно может быть весьма сильным». Коллегам просто нужно просто иметь в виду, что «проходит немалое время, прежде чем это влияние проявится»⁵². Осознание проблем, стоявших перед этими людьми в трудное десятилетие, в последующие годы помогло им создать инфраструк-

⁵¹ Collins, *Business Response to Keynes*, p. 50.

⁵² Hayek, «Trend of Economic Thinking», p. 121.

туру для продвижения рыночной идеологии. Разочарованные отсутствием единства и изоляцией, они в конце 1930-х годов приступили к совместной работе по созданию организаций, с помощью которых можно было бы разрабатывать и распространять идеи. Параллельно они обратили внимание на проблемы, все еще вызывавшие разногласия: основания их соционаучной методологии, связь между их экономическими теориями и их социальной философией, степень и характер тех видов государственного вмешательства, которые они могли счесть приемлемыми, и риторические стратегии, способные наиболее убедительным образом сделать их мировоззрение привлекательным для других людей. Эти усилия стали определяющими для публичной жизни идей в последние десятилетия XX в., когда все больше людей стали считать, что рынок является оплотом свободы, а попытки вмешательства в его повеления и его юрисдикцию неизменно ошибочны. Потрясающие успехи сторонников рынка в десятилетия, последовавшие за Великой депрессией, стали возможными в том числе и благодаря провалам, которые они пережили в ранние годы.

В начале 1930-х годов Лондонская школа экономики приобрела известность как объединение экономистов, считавших, что вмешательство государства не способно преодолеть текущий кризис. В то время как ведущие консервативные экономисты по всему Атлантическому миру поддерживали крупные государственные проекты и другие чрезвычайные меры, Лайонел Роббинс и его коллеги твердили, что государственное вмешательство опасно, а простых и быстрых решений не существует. На какое-то время они привлекли внимание экономистов своей молодостью, харизмой и смелостью взглядов. Экономический факультет школы стал динамичным центром в рамках все более заметного направления, а его студенты и преподаватели чувствовали, что значение их встреч и обсуждений выходит за пределы происходящего в учебных аудиториях. Но к концу десятилетия чувство эмоционального подъема, пронизывавшее их беседы, почти совершенно исчезло. Одни преподаватели, например Хайек, становились все менее заметными в среде профессиональных экономистов, которых теперь занимали иные предметы; другие, например Роббинс, уже начали сближать свои позиции с экономическим мейнстримом. Быстрый взлет популярности и авторитета Хайека и Роббинса свидетельствовал, что в самих основах популяризации рыночных идей начали происходить изменения, однако их столь же резкое падение означало, что сторонникам рынка следует переформулировать их послание обществу, если они хотят заручиться поддержкой последнего.

Преобразование Лондонской школы экономики в организационное пристанище реакционных экономистов стало для многих наблюдателей явлением удивительным. Это учебное заведение меньше, чем за 40 лет до того, основали члены Фабианского общества, исходившие из убеждения, что углубленное экономическое и политическое образование послужит делу распространения социализма. Состав общества и заявленные им цели выделяли фабианцев среди других социалистических течений. По словам Джорджа Бернарда Шоу, задним числом описавшего эту группу, она была демонстративно элитарной, и ее члены воспринимали себя как «меньшинство культурных снобов и подлинно научных социалистических тактиков», у которых нет «времени на то, чтобы обращать в свою веру людей необразованных и политически неграмотных, а потом давать им начальное социалистическое образование»⁵³. Они проводили политику интеллектуальной открытости, будучи убеждены, что «пропитка» их идеями завершится тогда, когда они будут усвоены не теми, кто в них и так уже верит, а теми, кто пока еще их не принимает⁵⁴. Они избегали революционной фразеологии и предпочитали проводить соци-

⁵³ George Bernard Shaw, «Sixty Years of Fabianism: A Postscript», in *Fabian Essays*, 6th ed., ed. George Bernard Shaw (London: George Allen and Unwin, 1962), p. 314.

⁵⁴ Sidney Webb, «Introduction to the 1920 Reprint», in Shaw, *Fabian Essays*, p. 280.

альные перемены путем, как выразился Сидней Вебб, «неизбежной постепенности»⁵⁵. Поэтому ЛШЭ занималась не начальным обучением рабочих и рядовых масс, а специализированным повышением квалификации в области социальных наук. Она приветствовала разнообразие взглядов у преподавательского состава и студентов и не требовала приверженности к определенной идеологической позиции. Наконец, она стремилась развивать не склонность к радикальным действиям, а способность критически мыслить.

В начале 1930-х годов фабианцы могли не без основания констатировать, что их преданность элитарности, открытости и стратегии постепенности принесла определенные плоды. Во введении к переизданию «Фабианских очерков» (1931) Шоу отметил «свидетельства поразительного прогресса в нашей политической атмосфере». Социалист-фабианец занимал пост премьер-министра, два видных эссеиста общества заседали в Палате лордов, а сам парламент «кишел фабианцами»⁵⁶. ЛШЭ процветала. За 20 лет с 1919 г. число штатных преподавателей выросло более чем вчетверо, а доля вольнослушателей среди студентов сократилась вдвое⁵⁷. Быстро растущая инфраструктура снискала школе эпитет «империи, где бетон никогда не успевает полностью застыть»⁵⁸. Студенческий контингент школы был более разнообразен по национальному и социальному происхождению, чем в Оксфорде и Кембридже, и отличался социалистическими убеждениями.

Динамичное развитие школы во многом объяснялось ее приверженностью интеллектуальной открытости и традиционным стремлением иметь преподавателей с разными убеждениями. Но за эти традиции, естественно, приходилось платить отсутствием контроля над политическими позициями преподавательского состава. Иногда это приводило к совсем уж явным идеологическим несообразностям: первый ректор школы, например, впоследствии стал членом парламента от Консервативной партии⁵⁹. Однако отклонение, которое больше всего раздражало фабианцев, заключалось в реакционной репутации растущих рядов экономистов школы. Одна из основателей школы, Беатриса Вебб, все 1930-е годы наполняла свой дневник пренебрежительными отзывами о теориях, которые стали ассоциироваться с экономическим факультетом. В личном общении она находила Роббинса «привлекательным» и «приятным», а вот в идейном плане считала его и его коллег «догматичными теоретиками», «ультраиндивидуалистичными апологетами капитализма, стремящегося к прибыли», «фанатичными индивидуалистическими экономистами», последователями «*laissez faire* Нассау Сениора и Герберта Спенсера» и, уж совсем определенно, «нашими антиподами в Школе»⁶⁰. Идеологическая открытость, которую исповедовали фабианцы, привела к тому, что основанная ими школа собрала в своих стенах сторонников тех самых экономических теорий, которые изначально была призвана преодолеть.

Как часто бывает, интеллектуальную атмосферу факультета определило одно единственное событие, случившееся в 1907 г., – приглашение Эдвина Кеннана на пост заведующего новой кафедрой политической экономии. По ряду важных вопросов Кеннан был солидарен с основателями школы; в частности, он тоже считал, что общества должны изменяться «медленнее, чем дубы», а не в результате «внезапных усилий вдохновенных гениев»⁶¹. Однако в

⁵⁵ Asa Briggs, «Introduction» (из неопубликованного выступления на конференции Лейбористской партии в 1923 г.), in Shaw, *Fabian Essays*, p. 15.

⁵⁶ Shaw, «Preface to the 1931 Reprint», in Shaw, *Fabian Essays*, pp. 257–258.

⁵⁷ Coats, «Distinctive LSE Ethos in the Inter-war Years», pp. 19–20.

⁵⁸ Bernard Crick, in Abse, *My LSE*, p. 146.

⁵⁹ Ralf Dahrendorf, *LSE: A History of the London School of Economics and Political Science, 1895–1995* (Oxford: Oxford University Press, 1995), p. 11.

⁶⁰ Beatrice Webb diaries, 17 December 1931 (vol. 45), 28 February 1932 (vol. 46), 12 March 1934 (vol. 48), 19 January 1935 (vol. 49), and 1 May 1937 (vol. 51), in Passfield Papers, LSE Archives (курсив в оригинале).

⁶¹ Edwin Cannan, *The Economic Outlook* (London: P. S. King and Son, 1922), p. 11.

отличие от фабианцев его любовь к градуализму, постепенности проистекала из глубоко консервативного мироощущения. Кеннан выступал за рыночный механизм не потому, что был пылким его поклонником, а потому, что не видел приемлемых альтернатив. «Современная цивилизация, да и почти вся цивилизация основана на принципе облегчения жизни для тех, кто проявляет лояльность к рынку, и ее усложнения для тех, кто этого не делает, – писал он в книге «Протест экономиста», – и какие бы недостатки ни были свойственны этому принципу, он все же лучше, чем ничего»⁶². Если Кеннан имел возможность выбирать между проверенной практикой и новой альтернативой, он почти всегда предпочитал первую. Поэтому в 1920-е годы он стал одним из самых видных в научных кругах сторонников возвращения к золотому стандарту на довоенном уровне, и эта позиция повредила его репутации в последующие годы⁶³. На последнем этапе своей карьеры Кеннан решительно осуждал увлечение экономистов математическими методами. Коллеги, писал он, поклоняются абстрактным формулам так, как поклонялись «каменным и деревянным идолам в примитивных религиях»⁶⁴. Наконец, Кеннан совершенно не переносил новомодные теории Кейнса: Кейнс, говорил он, – это «второй из псевдоэкономистов, причинивших больше всего зла, первый – Маркс, а остальных не видно на горизонте»⁶⁵.

Кеннан не обладал традиционными качествами организатора. Весь срок своего пребывания в ЛШЭ он оставался на неполной ставке, постоянно проживал в Оксфорде и на занятия ездил оттуда. Его профессиональная начитанность ограничивалась главным образом английской литературой, и даже его самые верные ученики признавали, что он обладал очень узким кругозором⁶⁶. Основным его занятием была не разработка и популяризация собственной теории, а критика предшественников⁶⁷. По свидетельству Лайонела Роббинса, Кеннан был «слабым лектором, который то бормотал что-то себе под нос, то, наоборот, сильно повышал голос». Иными словами, как примирительно выразился Роббинс, «он не снисходил до удобства слушателей»⁶⁸. Так считал не только Роббинс. Т. Грегори тоже вспоминал, что «слушать лекции Кеннана было трудно», и из-за «его привычки смотреть поверх наших голов в дальний угол комнаты мы многое из его слов упускали или не понимали»⁶⁹. Эти особенности Кеннана значительно сужали круг его учеников, и его публичный авторитет сильно уступал авторитету Кейнса, более молодого и энергичного коллеги Кеннана по Оксфорду. Тем не менее в Англии Кеннан оставался самым видным защитником экономической ортодоксии, и в глазах небольшого кружка студентов его оппозиционность приобрела харизматический ореол. Как вспоминал Лайонел Роббинс, «в ЛШЭ и в сфере ее контактов его авторитет был непререкаемым. Мы почитали его. Мы ловили каждое его слово. Для нас он воплощал квинтэссенцию зрелой экономической мудрости»⁷⁰. По мере того как студенты Кеннана сами занимали преподавательские должности, экономический факультет ЛШЭ приобретал репутацию источника консервативных альтернатив исходившим из Кембриджа предложениям прогрессистского характера⁷¹.

⁶² Edwin Cannan, *An Economist's Protest* (London: P. S. King and Son, 1927), pp. VI–VII.

⁶³ Donald Winch, *Economics and Policy: A Historical Study* (London: Hodder and Stoughton, 1969), 148; Joseph Dorfman, *The Economic Mind in American Civilization*, vol. 4 (New York: Viking, 1959), p. 171.

⁶⁴ Edwin Cannan, «The Need for Simpler Economics», *Economic Journal* 43, no. 171 (1933), p. 370.

⁶⁵ C. R. Fay, «Edwin Cannan: The Tribute of a Friend», *Economic Record* 13 (1937), p. 16.

⁶⁶ Robbins, *Autobiography of an Economist*, p. 85; Фридрих Хайек, интервью с Надимом Шехадом, 1983, Nadim Shehadi Papers, LSE Archives (далее – Shehadi Papers).

⁶⁷ Susan Howson, *Lionel Robbins* (New York: Cambridge University Press, 2011), p. 82.

⁶⁸ Robbins, *Autobiography of an Economist*, p. 83.

⁶⁹ T. E. Gregory, «Edwin Cannan: A Personal Impression», *Economica* 2, no. 8 (1935), p. 365.

⁷⁰ Robbins, *Autobiography of an Economist*, p. 83.

⁷¹ Friedrich Hayek, «The London School of Economics, 1895–1945», *Economica* 13, no. 49 (1946), p. 23.

И лишь спустя много лет после того, как Кеннана не стало, исследователи начали называть отстаивание рынка экономистами ЛШЭ плодом его личного влияния⁷².

Но если приход Кеннана в Лондонскую школу до некоторой степени объясняет, как она сыграла неожиданную роль рассадника консервативной экономической теории, он никак не объясняет, почему в начале 1930-х годов ее ведущие профессора заняли столь радикальную позицию. Хотя Роббинс и обратился из гильдейского социалиста в сторонника рынка отчасти под влиянием Кеннана, во многих существенных пунктах его взгляды отличались от взглядов наставника. Дело в том, что Роббинс свободно читал по-немецки, читал много и ознакомился с обширной зарубежной литературой, которую Кеннан практически не знал. Если Кеннан выражал свое несогласие с теориями Маршалла в понятиях, заимствованных и других английских экономистов, то Роббинс обнаружил в Австрии самостоятельную интеллектуальную традицию, предлагавшую четкие ответы на многие занимавшие его вопросы. Как отмечали коллеги Роббинса по ЛШЭ, он не был теоретиком-новатором; его сила состояла в умении собирать и сводить воедино научные разработки других⁷³. Но вот в этой узкой области он проявил незаурядную способность анализировать и доводить до ясности те зарубежные концепции, которые для его коллег были малоизвестными и туманными⁷⁴. Если специфически-британское мировоззрение Кеннана создало в ЛШЭ атмосферу, дружественную консерватизму, то идеи, которыми руководствовались ведущие ее профессора в первые годы Великой депрессии, пришли из других стран.

Обнаруженную Роббинсом австрийскую традицию в 70-х годах XIX в. основал Карл Менгер, один из трех создателей теории предельной полезности⁷⁵. Для нее была в значительной мере характерна приверженность к теоретической абстракции. Свою методологическую позицию Менгер разъяснил в острой дискуссии (она получила название *Methodenstreit*, «спор о методах») с немецким экономистом Густавом фон Шмоллером. Шмоллер считал, что основное свое внимание экономисты должны посвятить сбору обширного массива данных, чтобы потом анализировать их индуктивными способом.

Менгер не отрицал ценности исторической информации и индуктивного рассуждения, но, со своей стороны, считал, что основа экономической теории развивается из первопринципов путем дедукции. Если Шмоллер использовал накопленные данные для обоснования реформ, то Менгер уважал органическую логику рынка и, соответственно, выражал сомнения относительно планов проведения быстрых или резких социальных перемен⁷⁶. И хотя Менгер не был создателем идеологии, его концепция абстрактного функционирования ценового механизма подразумевала нежелательность вмешательства в работу этого механизма. Поэтому многие последователи Менгера выделялись своей прорыночной позицией.

Среди них самым энергичным проповедником преимуществ рынка был Людвиг фон Мизес⁷⁷, экономист Венской торговой палаты; он отрицал способность социализма создать рациональную систему цен для товаров. Хотя Мизес и допускал возможность определения приемлемых цен на потребительские товары разного рода косвенными способами, в известной статье 1920 г. он решительно заявил, что государственная собственность сделает невоз-

⁷² John Hicks, «Introductory: LSE and the Robbins Circle», in *Money, Interest and Wages* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1982), 4; Фридрих Хайек, интервью с Надимом Шехади, 1983, Shehadi Papers.

⁷³ См., например, интервью Фридриха Хайека Джеймсу Бьюкенену, 28 октября 1978, Center for Oral History Research, UCLA Library.

⁷⁴ Coats, «Distinctive LSE Ethos in the Inter-war Years», p. 25.

⁷⁵ Вместе с Леоном Вальрасом и Уильямом Стенли Джевансом. — Прим. ред.

⁷⁶ Erik Grimmer-Solem, *The Rise of Historical Economics and Social Reform in Germany, 1864–1894* (Oxford: Clarendon Press, 2003), p. 254.

⁷⁷ См.: Хьюльсманн Й. Г. Последний рыцарь либерализма: жизнь и идеи Людвиг фон Мизеса. М.; Челябинск: Социум, 2013. — Прим. ред.

можным создание или даже имитацию конкурентного рынка средств производства. А при его отсутствии нет никакого способа понять, как эффективно распределять ресурсы. «Это будет чистое блуждание в потемках, – писал он. – Социализм означает ликвидацию рациональной экономики»⁷⁸. За статьей последовала книга «Общественное хозяйство»⁷⁹; в ней содержалась значительно более подробная экономическая и культурная критика социалистического мировоззрения, которая вызвала полемику между экономистами – сторонниками социализма и сторонниками рынка, растянувшуюся на несколько десятилетий⁸⁰. Роббинс прочитал книгу в год ее выхода в свет и вскоре обратился к Мизесу за разрешением частично перевести ее на английский язык⁸¹.

Хорошее знание австрийских экономистов от Менгера до Мизеса во многом сформировало исследовательскую позицию Роббинса начала 1930-х годов. В отличие от Кеннана он был убежденно предан абстрагированию и в самой известной своей работе утверждал, что экономическая теория строится преимущественно дедуктивным, а не индуктивным методом⁸². Австрийская теория капитала, разработанная Ойгеном Бём-Баверком⁸³, убедила Роббинса в том, что государственное манипулирование процентными ставками очень серьезно влияло на экономический цикл и могло нанести значительный ущерб экономике. Предложенные Мизесом критика социализма и обоснование эффективности рынка привели Роббинса к заключению, что попытки вмешательства в действие ценового механизма почти всегда ошибочны. И когда в 1929 г. Роббинс стал преподавателем ЛШЭ, это означало не просто продолжение, а существенное укрепление оппозиции Кейнсу и Кембриджу, которая сформировалась на экономическом факультете под руководством Кеннана.

Степень несогласия Роббинса с Кейнсом проявилась вскоре после этого, причем на самой видной трибуне. В 1930 г. лейбористское правительство Рамсея Макдональда созвало Совет экономических консультантов и поручило ему разработать предложения по борьбе с застойной безработицей, терзавшей английскую экономику все 1920-е годы. Совет быстро осознал, что стоит перед лицом глобального экономического спада невиданных масштабов, и Кейнс, как ведущий член совета, убедил Макдональда разрешить ему создать отдельный Комитет экономистов, который должен был проанализировать причины нараставшего кризиса и предложить возможные решения. Кейнс только что закончил «Трактат о деньгах», в котором объяснял проблему устойчивости английской безработицы в числе прочего превышением сбережения над инвестициями и в качестве главного решения предлагал разработать программу общественных работ⁸⁴. Ссылаясь на искажения, которые возникают при беспощадной торговле из-за жестко фиксированной заработной платы, Кейнс стал склоняться к введению таможенных пошлин⁸⁵. Он лично заверил Макдональда в том, что комитет представит полностью согласо-

⁷⁸ Ludwig von Mises, «Economic Calculation in the Socialist Commonwealth», trans. S. Adler, in Friedrich Hayek, ed., *Collectivist Economic Planning: Critical Studies on the Possibilities of Socialism* (London: George Routledge and Sons, 1935; reprint, London: George Routledge and Sons, 1938), p. 110. [См.: Мизес Л. фон. Экономический расчет в социалистическом сообществе // Мизес Л. фон. Сравнительный анализ экономических систем: капитализм, социализм, интервенционизм. М.; Челябинск: Социум (готовится к изданию).]

⁷⁹ Die Gemeinwirtschaft. Untersuchungen über den Sozialismus. Jena, 1922. Рус. пер.: Мизес Л. фон. Социализм: экономический и социологический анализ. М.; Челябинск: Социум, 2016. – Прим. перев.

⁸⁰ Ludwig von Mises, *Socialism: An Economic and Sociological Analysis*, trans. J. Kahane (Indianapolis: Liberty Fund, 1981) [Мизес Л. фон. Социализм: экономический и социологический анализ. М.; Челябинск: Социум, 2016].

⁸¹ Howson, *Lionel Robbins*, p. 135.

⁸² Lionel Robbins, *An Essay on the Nature and Significance of Economic Science* (London: Macmillan, 1932), pp. 72–76.

⁸³ См.: Бём-Баверк О. Капитал и процент. Т. 2–3. Челябинск: Социум, 2010. – Прим. ред.

⁸⁴ Robert Skidelsky, *John Maynard Keynes*, vol. 2, *The Economist as Savior, 1920–1937* (London: Macmillan, 1992), p. 334.

⁸⁵ Susan Howson and Donald Winch, *The Economic Advisory Council, 1930–1939* (Cambridge: Cambridge University Press, 1977), p. 58.

ванный меморандум, и рассчитывал, что документ в основном будет соответствовать его собственной позиции⁸⁶.

Роббинс был удивлен и польщен предложением войти в состав новой группы. Возможно, Кейнс пригласил его, чтобы продемонстрировать идеологическую неоднородность комитета, и полагал, что Роббинс, как еще сравнительно молодой человек, с почтением примет мнение старших коллег. Однако Роббинс быстро избавил Кейнса от иллюзий. Опираясь на зарубежные исследования, с которыми прочие члены комитета почти не были знакомы, Роббинс доказывал, что многие основные предположения группы были ошибочными. Он убеждал прислушаться к мнениям более молодых ученых из других стран, в частности к мнению австрийского экономиста Фридриха Хайека, который недавно написал статью с критикой программы общественных работ в США⁸⁷. Австрийская теория капитала в изложении Хайека, полагал Роббинс, показывает, что спад был вызван чрезмерным инвестированием в основной капитал, спровоцированным искусственно заниженными процентными ставками, а вовсе не депрессивным влиянием искусственно завышенных ставок, которые порицал Кейнс в своем «Трактате о деньгах»⁸⁸. Роббинс считал, что правительству не следует принимать фиксированные зарплаты как данность и пытаться поощрять инвестиции, а вместо этого ему нужно поощрять гибкость и воздерживаться от искусственного стимулирования инвестиций, которое чревато риском очередного неустойчивого бума. Он решительно возражал против умеренных пошин, которые предлагал Кейнс, и сильно сомневался в целесообразности любой программы общественных работ. Кейнс был обескуражен несговорчивостью Роббинса и не выразил никакого желания учитывать мнения иностранных ученых. Хотя другие члены комитета с пониманием отнеслись к некоторым критическим предложениям Роббинса, он остался единственным, кто не подписал меморандум и настаивал на подаче своего особого мнения⁸⁹. Кейнс не смог добиться полного единодушия, что стало серьезной неудачей в его усилиях использовать престиж экономической профессии для поддержки его взглядов на экономическую политику. Он был разгневан неподчинением Роббинса, и этот эпизод положил начало десятилетию резких расхождений между Кембриджем и ЛШЭ.

В январе 1931 г., незадолго до публичных дебатов с Кейнсом, Роббинс предложил Хайеку прочитать цикл лекций в ЛШЭ⁹⁰. Это случайное совпадение по времени привело к предположению, что Роббинс искал в Австрии интеллектуальное подкрепление. «Когда разворачивался спор по поводу общественных работ, – писала кембриджский экономист Джоан Робинсон, – профессор Роббинс пригласил из Вены члена австрийской школы, чтобы получить противовес Кейнсу»⁹¹. Хайек был самым одаренным учеником видного экономиста Фридриха фон Визера и одним из наиболее активных участников регулярного частного семинара, который Людвиг фон Мизес с 1924 г. вел для молодых венских интеллектуалов; поэтому Хайек имел обширные связи в австрийском научном мире. Его, что было необычно, знали англо-американские экономисты, – в значительной мере благодаря знакомствам, которые он завел во время длительной стажировки в Нью-Йорке в 1923–1924 гг., и участию в международных конференциях в последующие годы. Но все же Хайек был тогда начинающим экономистом с небольшим количеством

⁸⁶ Robbins, *Autobiography of an Economist*, p. 151.

⁸⁷ Фридрих Хайек, интервью с Арменом Алчаном, 11 ноября 1978, Center for Oral History Research, UCLA Library; Фридрих Хайек, интервью с Надимом Шехади, 1983, Shehadi Papers. В числе других кандидатур Роббинс предложил Джейкоба Вайнера, Вильгельма Рёпке и Бертиля Улина. См.: Howson, *Lionel Robbins*, p. 180.

⁸⁸ Howson and Winch, *Economic Advisory Council*, pp. 60–61.

⁸⁹ Подробнее см.: Howson and Winch, *Economic Advisory Council*, pp. 30–81; Bruce Caldwell, «Introduction», in *The Collected Works of F. A. Hayek*, vol. 9, *Contra Keynes and Cambridge: Essays, Correspondence*, ed. Bruce Caldwell (Indianapolis: Liberty Fund, 1995), p. 20.

⁹⁰ Howson, *Lionel Robbins*, p. 178.

⁹¹ Joan Robinson, «The Second Crisis of Economic Theory», in *Contributions to Modern Economics* (New York: Academic Press, 1978), p. 2.

публикаций и пребывал в рамках австрийской академической системы, печально известной тем, что путь к профессорскому званию она делала долгим и полным лишений⁹². За пределами родной страны исследования Хайека оставались практически не известными.

Преподаватели и студенты ЛШЭ считали гостя «открытием» Роббинса, и лекции Хайека вызывали «большое возбуждение». В четырех лекциях он изложил многочисленным слушателям содержание работы, которую вскоре опубликовал под названием «Цены и производство». Многим оказалось сложно воспринимать Хайека: у него был очень сильный акцент, за ходом его мысли «трудно было следить», а его идеи выглядели «замысловато запутанными»⁹³. Однако уже на первой лекции он продемонстрировал такое знание английской денежной теории, какое редко встречалось даже среди самих английских ученых, не говоря уже о тех, кто получил образование в другой национальной школе. В дальнейшем он опирался на идеи австрийской теории капитала, которые были новыми для многих слушателей. Людям, незнакомым с происхождением этих идей, было нелегко в них вникнуть, но они, безусловно, обладали несомненным потенциалом, позволявшим анализировать самые насущные проблемы в изучении экономических циклов. Как и Кейнс, Хайек придерживался предложенного шведским экономистом Кнутом Викаксом различия между естественной и рыночной ставками процента и анализировал влияние кредитной деятельности банков на соотношение между ними. Однако опора на теорию капитала позволяла ему рассматривать влияние расхождения этих двух ставок на длительность периода производства. Хайек считал, что, когда рыночная ставка процента опускается ниже естественной, более прибыльными представляются методы производства, рассчитанные на более длительную перспективу, и компании начинают выводить инвестиции из капитальных благ, обеспечивающих производство потребительских товаров в ближайшем будущем. Через некоторое время после этого маневра потребители демонстрируют готовность платить более высокие относительные цены за имеющиеся потребительские товары. В новой обстановке рыночная ставка процента повышается, компании вынужденно прекращают инвестиции в окольные методы производства [т. е. в более долгосрочные производственные проекты. – *Перев.*], и начинается кризис⁹⁴. Логика этой схемы подсказывала Хайеку, что любые «искусственные стимулы» еще больше исказят отношение между рыночной и естественной ставками процента и посеют семена «новых неурядиц и новых кризисов». Единственное, что можно предпринять, если уж депрессия началась, полагал он в «Ценах и производстве», это «дать время для окончательного выздоровления, когда в ходе длительного процесса структура производства адаптируется к имеющемуся объему средств, которые можно инвестировать в капитал»⁹⁵. В заключение Хайек отметил, что при незавершенности денежной теории отходить от золотого стандарта неразумно и что попытки противодействовать длительной депрессии с помощью дополнительных государственных расходов только деформируют инвестиционную структуру и тем самым продлят стагнацию⁹⁶. По его трезвой оценке, в условиях экономического кризиса правительствам лучше всего не делать вообще ничего.

Роббинс тут же признал в Хайеке сильного союзника, тоже выступавшего против государственных расходов, кредитной экспансии и таможенных пошлин. Он с энтузиазмом поддерживал ректора ЛШЭ Уильяма Бевеиджа, который подумал, что Хайек, возможно, был бы подходящей кандидатурой на должность профессора экономической теории им. Тука; это место

⁹² См.: *Хьюльсманн Й. Г.* Последний рыцарь либерализма: жизнь и идеи Людвиг фон Мизеса. М.; Челябинск: Социум, 2013. С. 130–131.

⁹³ Дж. Гилберт, интервью с Надимом Шехади, 4 марта 1983, *Shehadi Papers*; сэр Рой Аллен, интервью с Надимом Шехади, без даты, *Shehadi Papers*; Aubrey Jones, in Abse, *My LSE*, p. 36.

⁹⁴ Резюме теории экономического цикла Хайека см. в: Caldwell, «Introduction», pp. 14–18.

⁹⁵ Friedrich Hayek, *Prices and Production*, 2nd ed. (London: Routledge and Kegan Paul, 1935), p. 99 [*Хайек Ф.* Цены и производство. Челябинск: Социум, 2008. С. 116].

⁹⁶ *Ibid.*, p. 127 [Там же. С. 153].

долгое время было вакантным, и занять его только что отказался Джейкоб Вайнер⁹⁷. Хайек мог лишь мечтать о получении места профессора в Лондоне и был несказанно рад такому подарку судьбы⁹⁸. Лондон, давняя столица финансового мира и динамично развивающийся центр экономической мысли, представлялся Хайеку идеальным вариантом. «Представьте, в 32 года вы профессор Лондонской школы экономики, – сказал он потом в одном из интервью. – Это уж точно предел желаний»⁹⁹. Кроме того, его привлекала культурная жизнь новообретенной страны. В соответствии с традициями английского общества, отмечал он, окружающие «понимают, что вам нужно в данный момент, но не обременяют вас лишними словами». Эта благовоспитанная сдержанность, способная передавать целую гамму отношений за счет одних лишь выверенных правил поведения, сильно контрастировала с австрийскими обычаями. «Это было как войти в теплую ванну, – заметил Хайек, – где температура такая же, как у вашего тела»¹⁰⁰.

Появление Хайека способствовало утверждению ЛШЭ в качестве оплота экономистов, выступавших против позиции Кейнса и Кембриджа. В течение первых же шести месяцев своего пребывания в качестве приглашенного лектора Хайек опубликовал в издававшемся ЛШЭ журнале «*Economica*» первую из двух своих обширных критических рецензий на «Трактат о деньгах» Кейнса. Он резко упрекнул Кейнса за то, что в его теории совершенно отсутствовала теория капитала. Кейнс признал справедливость критики, но, в свою очередь, высмеял утверждение Хайека о наличии «в экономической системе автоматического механизма», способного выравнивать уровни сбережений и инвестиций¹⁰¹. В ответ Хайек указал, что Кейнс так и не смог убедительно объяснить причины расхождения уровня сбережений и уровня инвестиций. Кейнс согласился, что его теория нуждается в уточнениях, но в частной переписке с Хайеком заметил, что «лучше тратить время на более полезные вещи, чем на пререкания»¹⁰². Потом нападение на Хайека продолжил коллега Кейнса Пьеро Сраффа. В разгромной журнальной статье он утверждал, что теория Хайека основана на поразительно упрощенной концепции денег и совершенно абсурдно считать, подобно Хайеку, будто существует одна-единственная естественная ставка процента¹⁰³. Со временем тон полемики стал слишком резким. Кейнс назвал «Цены и производство» «едва ли не самой ужасной путаницей, какую мне только приходилось читать», а Сраффа добавил, что Хайек построил «чудовищный паровой молот, чтобы расколоть орешек, – и не может его расколоть»¹⁰⁴. К концу 1932 г. Хайек стал признанным главным теоретическим оппонентом Кейнса, и выяснилось, что обе позиции имеют слабые стороны.

В то время как работы Хайека усилили противников идей Кейнса в ЛШЭ, международные связи Хайека укрепили ее космополитическую репутацию. Список иностранных гостей школы в 1930-х годах включает ведущих ученых из разных стран; это, в частности, Эрик Линдаль, Бертиль Улин и Рагнар Фриш из Скандинавии, Констинтино Брешиани-Туррони из Италии, Фрэнк Найт и Джейкоб Вайнер из Чикагского университета, Виллем Раппар из Швейцарии, а также австрийские коллеги Хайека Готфрид Хаберлер, Фриц Махлуп и Йозеф Шумпетер¹⁰⁵. Эти визитеры могли наблюдать факультет, где царили сплоченность и приподня-

⁹⁷ Robbins, *Autobiography of an Economist*, 127; Howson, *Lionel Robbins*, p. 200.

⁹⁸ Фридрих Хайек, интервью с Ирлен Крейвер, 1978, Center for Oral History Research, UCLA Library.

⁹⁹ Фридрих Хайек, интервью с Арменом Алчианом, 11 ноября 1978, Center for Oral History Research, UCLA Library.

¹⁰⁰ F. A. Hayek, *Hayek on Hayek: An Autobiographical Dialogue*, ed. Stephen Kresge and Leif Wenar (Chicago: University of Chicago Press, 1994), p. 100.

¹⁰¹ John Maynard Keynes, «The Pure Theory of Money: A Reply to Dr. Hayek», in Caldwell, *Contra Keynes and Cambridge*, p. 153.

¹⁰² Кейнс – Хайеку, 29 марта 1932 г., in Caldwell, *Contra Keynes and Cambridge*, p. 173.

¹⁰³ Piero Sraffa, «Dr. Hayek on Money and Capital», in Caldwell, *Contra Keynes and Cambridge*, pp. 200, 205.

¹⁰⁴ Keynes, «Pure Theory of Money», p. 154; Sraffa, «Dr. Hayek on Money and Capital», p. 201.

¹⁰⁵ Robbins, *Autobiography of an Economist*, p. 132; Фридрих Хайек, интервью с Надимом Шехадом, 1983, Shehadi Papers;

тое настроение, характерные для этих слегка бесшабашных ранних лет ЛШЭ. Хайек, Роббинс и их коллега Арнольд Плант жили по соседству в коттеджном районе Хэмпстед-Гарден, обменивались книгами и беседовали в свободной обстановке; сотрудники факультета каждый день собирались на чай в общем зале, а большинство ведущих преподавателей регулярно участвовали в большом семинаре, на котором представлялись и обсуждались новые работы¹⁰⁶. Осознание очевидной важности экономической науки в политической обстановке тех лет и молодость ведущих профессоров факультета возбуждающе действовали на студентов и преподавателей. Как потом вспоминал Николас Калдор, начало 1930-х годов было для ЛШЭ «временем бесконечных обсуждений, которые могли длиться сутками», насыщенном «атмосферой творческого напряжения», которую нелегко было усвоить последующим поколениям¹⁰⁷.

Приход Хайека стал очень важным событием, но всем было ясно, что ведущей фигурой факультета остается Роббинс. Они читал вводный курс, знакомявший новых студентов с основами предмета, вел семинар, на котором преподаватели обсуждали новые работы, и курировал главные административные задачи. Все отдавали должное его личному обаянию, вниманию к студентам, прекрасному знанию современной экономической литературы и административным способностям. В работе «Великая депрессия» (1934) Роббинс свел воедино свои собственные рекомендации с рекомендациями Хайека и изложил их в форме, доступной широкому читателю. Если работы Хайека тех лет отличались крайне сложным языком и их с трудом понимали даже студенты магистратуры и аспиранты, то Роббинс писал доходчиво, ясно и местами ярко. Он отвергал распространенное убеждение, будто недавний крах был вызван дефектами рыночного механизма, и, напротив, утверждал, что главная вина лежит на вмешательстве в действие этого механизма. «Картелирование промышленности, рост влияния профсоюзов, размножение государственных контрольных инстанций создали такую экономическую структуру, которая, каковы бы ни были ее этические или эстетические достоинства, гораздо меньше способна быстро адаптироваться к переменам, чем прежняя конкурентная система, — писал он. — И это еще очень мягко сказано»¹⁰⁸. Более всего Роббинса тревожили две вещи: «препятствия для предпринимательства», возникающие в результате государственного вмешательства, и возможность неустойчивого инфляционного бума, порождаемого попытками победить депрессию с помощью программы масштабных общественных работ¹⁰⁹. Его рекомендации предусматривали восстановление международного золотого стандарта, резкое сокращение ограничений в международной торговле, лишение профсоюзов возможности препятствовать тем, кто готов работать за более низкую плату, и введение твердого правила, что убыточные компании не будут спасать от банкротства¹¹⁰. Роббинс нарисовал широкую историческую картину, в которой приветствовал свободную рыночную систему, существовавшую, по его мнению, в Англии до Первой мировой войны, и сетовал на отклонения от этой системы, накопившиеся с тех пор¹¹¹.

Хайек и Роббинс предельно четко представляли, против чего они возражают. По словам Роббинса, к кризису привели не принципы капитализма, а их нарушение¹¹². Он считал необходимым отменить целый ряд реформ, в результате которых разрывались кредитные циклы и снижалась способность компаний адаптироваться к изменяющимся условиям. На том этапе своей карьеры Хайек тоже считал эти пункты самыми важными. Как он заявил в инаугураци-

Howson, *Lionel Robbins*, p. 200.

¹⁰⁶ Фридрих Хайек, интервью с Надимом Шехадом, 1983, Shehadi Papers; Howson, *Lionel Robbins*, p. 206.

¹⁰⁷ Nicholas Kaldor, *Essays on Value and Distribution*, 2nd ed. (London: Duckworth, 1980), p. XI.

¹⁰⁸ Robbins, *The Great Depression* (London: Macmillan and Co., 1934), p. 60.

¹⁰⁹ Ibid., p. 125.

¹¹⁰ Ibid., pp. 172, 183, 189, 190.

¹¹¹ Ibid., p. 60.

¹¹² Ibid., p. 194.

онной лекции, «видимо, не будет преувеличением сказать, что экономическая наука развивалась прежде всего как результат исследования и опровержения череды утопических проектов». Себя он причислял к длинному ряду экономистов, специализировавшихся на доказательстве того, что попытки исправить «недостатки существующей системы основаны на полнейшем пренебрежении теми силами, которые на самом деле обеспечивают ее работу»¹¹³. Оба они не считали капиталистическую систему ни идеальной, ни даже способной быстро и естественно выйти из существующего кризиса. Когда Роббинс стали резко критиковать за то, что он не может указать путь выхода из депрессии, Роббинс ответил, что составление такой дорожной карты не в его силах. «Если я вижу человека, который заблудился на пороховом заводе и собирается зажечь спичку, чтобы осмотреться, я, естественно, не обязан молчать только потому, что сам не знаю, куда идти, – объяснял он в 1932 г. в письме редактору журнала «Economist». – Но при этом я не вижу никакого “выхода” в претенциозных проектах. Именно эти претенциозные проекты и завели нас туда, где мы сейчас находимся»¹¹⁴. В тот период Хайек и Роббинс почти не занимались разработкой собственной политической философии и рекомендаций в сфере экономической политики, а сосредоточили усилия на критическом анализе экономических последствий чужих теорий и предложений. Пока их интересовало не создание общественного идеала, а его развенчание; поэтому общий тон их риторики был предельно негативным.

Свои перспективы Хайек и Роббинс оценивали довольно мрачно. Их пессимизм еще более углубился с выходом в 1936 г. работы Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег». До этого момента кембриджской экономической теории мешали давние недостатки «Трактата о деньгах», которые признавал и сам Кейнс. Однако когда Кейнс отказался от допущения о заданности совокупного выпуска и перенес внимание на уровень совокупного спроса, он радикально изменил отправные пункты дискуссии и предложил гораздо более убедительное объяснение проблемы устойчивого равновесия при неполной занятости¹¹⁵. У первых читателей книги складывалось впечатление, что она задумана как ответ именно на те проблемы, с которыми тогда столкнулись экономики Англии и США, и предлагает ясный путь к выходу из кризиса. Кроме того, ее аргументы в пользу доступного кредита, увеличения государственных расходов и введения внешнеторговых ограничений, казалось, подтверждали правильность популистского подхода к экономической политике. Это приводило в ярость экономистов, занимавших противоположную позицию. Чикагский экономист Фрэнк Найт писал своему коллеге Джейкобу Вайнеру, что Кейнс «принимает сторону рядового обывателя», оказывает поддержку «антиинтеллектуальным» воззрениям и «выбрасывает ключи от крепости в окно филистимлянам, которые уже ломятся в ворота»¹¹⁶. Дополнительное преимущество Кейнс получил от того обстоятельства, что поддержал распространенные настроения в крайне трудной для понимания форме. Вскоре его мысли были упрощены коллегами и последователями, но язык самой книги представлялся многим экономистам умышленно затемненным. В рецензии на «Общую теорию» Вайнер отметил: «Ни в одном случае для обозначения старого понятия не используется старый термин, если можно придумать новый, а если старые термины все же используются, они, как правило, приобретают новые значения»¹¹⁷. (В частной переписке он не скрывал, что находит терминологию Кейнса «ужасающей»¹¹⁸.) Такое сочетание своевременности,

¹¹³ Hayek, «Trend of Economic Thinking», p. 123.

¹¹⁴ Лайонел Роббинс, письмо редактору, *Economist*, 28 May 1932, 1189.

¹¹⁵ John Maynard Keynes, *The General Theory of Employment, Interest, and Money* (London: Macmillan, 1936; reprint, San Diego: Harvest, 1964), pp. 23–34. [См.: Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 58–66.] Обзор новых идей «Общей теории» см. в: Skidelsky, *John Maynard Keynes*, vol. 2, *Economist as Saviour*, pp. 537–571.

¹¹⁶ Фрэнк Найт – Джейкобу Вайнеру, 6 августа 1940 г., box 16, folder 24, Jacob Viner Papers, Mudd Library, Princeton (далее Viner Papers).

¹¹⁷ Jacob Viner, «Mr. Keynes on the Causes of Unemployment», *Quarterly Journal of Economics* 51 (1936), p. 147.

¹¹⁸ Джейкоб Вайнер – Лайонелу Роббинсу, 21 января 1938 г., box 22, folder 14, Viner Papers.

эзотеризма и соответствия господствующему мнению оказалось чрезвычайно эффективным, поскольку книга воспринималась как жизненно важное послание, требовавшее дальнейшей и весьма значительной научной работы. По словам Альберта Хиршмана, Кейнс «сумел преподнести здравый смысл в парадоксальном облике, сделав свою теорию вдвойне привлекательной: она отвечала и популистскому настрою интеллектуалов, и их тяге к изысканности и парадоксальности»¹¹⁹.

«Общая теория» не оказала практически никакого непосредственного воздействия на государственную политику, но быстро распространилась в профессиональной среде. По словам экономиста Массачусетского технологического института Пола Сэмюельсона, она действовала «подобно свирепой болезни, которая внезапно охватывает и почти истребляет племя, живущее на каком-нибудь острове в Океании»¹²⁰. Даже критики Кейнса признавали, что его книга оказала сильное влияние на многих молодых экономистов. Оценивая книгу, Джозеф Шумпетер специально остановился на том, как она воспринималась в Гарварде, отметив «ожидания лучших наших студентов, их нетерпеливое желание поскорее получить книгу в руки, жадность, с которой они проглатывали ее, и интерес, проявленный к ней всеми слоями англоамериканского сообщества, которые были способны к такого рода чтению»¹²¹. Хотя ведущие профессора экономического факультета Лондонской школы экономики, естественно, не одобряли книгу, студенты старших курсов и молодые преподаватели встретили ее с энтузиазмом. Как вспоминал Тибор Сайтовски, «большинство наших студентов жадно читали ее днем и ночью» и «преклонялись» перед ее мудростью¹²². В 1933 г. студент Хайека Абба Лернер организовал семинар, на котором студенты ЛШЭ обменивались мнениями с коллегами из Кембриджа. Этот семинар постепенно стал местом обращения в новую веру, а сам Лернер после шестимесячного пребывания в Кембридже в 1933–1934 гг. превратился в убежденного кейнсианца¹²³.

«Общая теория» была задумана как покушение на самые устои ортодоксальной экономической теории, но Кейнс, как отметил Элвин Хансен в своей известной рецензии, не преминул выпустить «порядочно стрел в адрес новой венской и лондонской школ»¹²⁴. В первую очередь Кейнс выделил контраст между своим оптимистическим конструктивным подходом и гораздо более пессимистической и капитулянтской позицией, которая ассоциировалась с ЛШЭ. «Эффективное средство борьбы с экономическими циклами нужно искать не в устранении бумов и в установлении хронической полудепрессии, — указывал Кейнс, — а в том, чтобы устранить кризисы и постоянно поддерживать состояние квазибума»¹²⁵. Насмешки Кейнса по поводу идей Хайека быстро стали распространенной темой для обсуждения даже на семинарах в самой ЛШЭ. Когда младший коллега Хайека, Николас Калдор, обратился в кейнсианство после преподавательской стажировки в США в 1934/35 учебном году, он начал отпускать на своих семинарах саркастические замечания, которые все шире распространялись в ЛШЭ¹²⁶. В этой обстановке Хайек принял пораженческое решение вообще никак не откликаться на книгу Кейнса. Потом он приводил много оправданий своему бездействию, в том числе нежелание вновь вступать в полемику с человеком, который постоянно меняет свои взгляды, намерение

¹¹⁹ Albert Hirschman, «How the Keynesian Revolution Was Exported from the United States, and Other Comments», in *The Political Power of Economic Ideas*, ed. Peter A. Hall (Princeton: Princeton University Press, 1989), p. 349.

¹²⁰ Paul Samuelson, «Lord Keynes and the General Theory», *Econometrica* 14 (1946), p. 187.

¹²¹ Joseph Schumpeter, «Review: *The General Theory of Employment, Interest and Money*», *Journal of the American Statistical Association* 31, no. 196 (1936), p. 791.

¹²² Тибор Сайтовски, интервью с Надимом Шехади, 15 ноября 1983 г., Shehadi Papers.

¹²³ Николас Калдор, интервью с Надимом Шехади, без даты, Shehadi Papers; Howson, *Lionel Robbins*, p. 253.

¹²⁴ Alvin Hansen, «Mr. Keynes on Underemployment Equilibrium», *Journal of Political Economy* 44, no. 5 (1936), p. 669.

¹²⁵ Keynes, *General Theory of Employment, Interest, and Money*, p. 322. [См.: Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 294.]

¹²⁶ Николас Калдор, интервью с Надимом Шехади, без даты, Shehadi Papers; Howson, *Lionel Robbins*, p. 252. О знаменитых комментариях Калдора см.: Джек Фишер, интервью с Надимом Шехади, 1984, Shehadi Papers.

подождать, пока выйдет пересмотренный вариант его собственной теории капитала, и нежелание опровергать Кейнса в то время, когда многие другие ведущие экономисты казались еще хуже¹²⁷. Но каковы бы ни были мотивы Хайека, многие восприняли его решение признанием поражения.

Хайек столкнулся с невозможностью выступить за бездействие в обстановке экономической катастрофы, которую Кейнс обещал преодолеть. Коллега Хайека по ЛШЭ Джон Хикс впоследствии заметил: «Теория Хайека наиболее слаба применительно к дефляционным спадам, и хуже всего, что она была обнародована именно в таких условиях, – в 1931–1932 гг.»¹²⁸ При отсутствии убедительного ответа Кейнсу, констатировал Хикс, теории Хайека «постепенно исчезали из поля нашего внимания», в то время как экономисты сосредоточились на проблемах, которые казались им более важными¹²⁹. Студенты ЛШЭ не спешили принимать теорию, по всей видимости, не предлагавшую никакого определенного выхода из кризиса. По словам Скитовски, они считали, что им преподают экономическую доктрину, которая «очень далека от экономической реальности»¹³⁰. Милтон Фридмен, учившийся тогда в аспирантуре Колумбийского и Чикагского университетов, вспоминал, что его самого и его поколение совершенно не убеждало предложение «просто дать миру упасть». Он тогда думал, что «призывая к ничегонеделанию в Англии и США», Хайек и Роббинс «причиняли вред»¹³¹. Убывающая группа аспирантов Хайека прекратила согласованную с ним работу и переключилась на проблемы, поднятые Кейнсом. К концу десятилетия в ЛШЭ остались всего два-три последователя Хайека¹³². Когда во время Второй мировой войны студенческий кампус переехал в Кембридж, «большинство тогдашних молодых экономистов, – вспоминала одна из считанных студенток Хайека, – считали, что идеи Хайека насчет занятости и производства отстали от времени, вышли из моды. Они не воспринимали их сколько-нибудь серьезно»¹³³. Опубликованное в 1941 г. главное произведение Хайека, «Чистая теория капитала», почти не привлекло внимания. Сам Хайек, видевший, как после выхода «Общей теории» экономисты обратились к макроэкономике и эконометрике, признавал, что стал выглядеть «старомодным человеком, который не симпатизирует новым идеям»¹³⁴.

Лайонел Роббинс, тоже ощутивший враждебность профессиональной среды и политической обстановки, начал пересматривать свои взгляды. Работая во время войны вместе с Кейнсом, он заметно смягчил, а ряде случаев радикально изменил бескомпромиссные формулировки, которых придерживался ранее. «В какой-то мере, – вспоминал потом Хайек, – Кейнс сделал из Роббинса полукейнсианца»¹³⁵. Свое обращение в новую веру Роббинс публично провозгласил в Кембридже весной 1947 г. В трех лекциях он высказался за прогрессивное налогообложение богатых и перераспределение дохода в пользу бедных, за более широкое понимание общественных благ и энергичное регулирование¹³⁶.

¹²⁷ См., например, Хайек – Тиму Гроусклоузу, 9 июня 1985 г., box 22, folder 27, Friedrich Hayek Papers, Hoover Institution Archives, Stanford, Calif. (далее Hayek Papers); Хайек – Филиппу Боррану, 19 января 1982 г., box 11, folder 40, Hayek Papers.

¹²⁸ John Hicks, «The Hayek Story», in *Critical Essays in Monetary Theory* (Oxford: Oxford University Press, 1967), p. 214.

¹²⁹ Ibid., p. 205.

¹³⁰ Тибор Скитовски, интервью с Надимом Шехади, 15 ноября 1983 г., Shehadi Papers.

¹³¹ Milton Friedman, «Mr. Market: A Nobel Prize Winner Views Today's Fed, Currencies, Social Security, Regulation», интервью с Джоном Эпштейном, журнал «Barron's», 24 августа 1998 г., p. 34.

¹³² Людвиг Лахманн, интервью с У. Бартли III, январь 1984 г., Shehadi Papers.

¹³³ Дороти Хан, интервью с автором, Кембридж, Англия, ноябрь 2006 г.

¹³⁴ Фридрих Хайек, интервью с Джеком Хаем, 1978 г., Center for Oral History Research, UCLA Library.

¹³⁵ Фридрих Хайек, интервью с Надимом Шехади, 1983, Shehadi Papers.

¹³⁶ Lionel Robbins, *The Economic Problem in Peace and War* (London: Macmillan, 1947), pp. 8, 14, 17, 75.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.